

BALTICA '91

STARPTAUTISKĀS
FOLKLORAS
FESTIVĀLS
9.-14. VII

INTERNATIONAL
FOLKLORE
FESTIVAL
9.-14. VII

LATVIJA LATVIA

BALTICA '91

LATVIJA LATVIA

Saturs

<i>Ingrīda Ritela</i>	
Folkloras asociācija	
«Baltica» — pilntiesīga	
CIOFF locekle	2
<i>Arnolds Klotiņš</i>	
Kad folkloru svin svētkus	7
Festivāla galvenie pasākumi	11
<i>Vaira Viķe-Freiberga</i>	
Ģimene un ģimenes godi	
latviešu tautas tradīcijās	13
<i>Angele Višņauskaite</i>	
Ģimene un ģimenes godi	
lietuviešu tautas tradīcijās	19
<i>Ingrīda Ritela</i>	
Ģimene un ģimenes godi	
igauņu tautas tradīcijās	22
Festivāla viesi	24
<i>Juris Tālivaldis Urtāns</i>	
Balti	34
<i>Juris Tālivaldis Urtāns</i>	
Latvijas vēstures gaita	39
<i>Māra Mellēna</i>	
Baltā pasaules izjūta	42
<i>Mārtiņš Boiko</i>	
Tautas mūzika Latvijas	
kultūrvēsturiskajos	
apgabalos	46
Festivāla daļībnieki	
no Latvijas	48
<i>Irisa Priedīte</i>	
Latviešu tautas	
mūzikas instrumenti	63
Festivāla rīcības komiteja	67
<i>Valdis Celms</i>	
Cejā uz festivālu	69

Rīga

E. Melngaiļa Tautas mākslas centrs
1991

Folkloras asociācija “Baltica” pilntiesīga CIOFF locekle

PIRMAIS starptautiskais folkloras festivāls «Baltica» notika 1987. gadā Viļnā, otrs — pēc gada Rīgā. Pirms trešā festivāla Tallinā tā organizētāji nonāca pie secinājuma, ka nepieciešams izveidot pastāvīgu organizāciju festivālu rīkošanai, lai koordinētu konceptuālo un praktisko problēmu risināšanu, nodrošinātu informācijas apmaiņu un apvienotu Baltijas valstu folkloras kustību pūliņus.

Folkloras asociācija «Baltica» tika nodibināta 1989. gada 5. aprīlī Rīgā, apvienojoties Igaunijas, Latvijas un Lietuvas nacionālajām folkloras biedrībām. Asociācijas mērķis ir saglabāt un popularizēt Baltijas valstu etnisko kultūru. Asociācijas galvenie darba virzieni ir: starptautiskā folkloras festivāla «Baltica» organizēšana, folkloras pasākumu koordinēšana, informācijas apmaiņa, kā arī starptautisko sakaru veicināšana. Folkloras asociācija «Baltica» pieder pie pirmajām igauņu, latviešu un lietuviešu kopīgajām organizācijām, kas izveidotas, lai oficiāli apvienotu spēkus mērķa sasniegšanai. Kopīgi arī bija vieglāk nodibināt tiešus sakarus ar folkloras organizācijām pasaulei.

CIOFF (Conseil International des Organisations de Festivals de Folklore et d' Arts Traditionnels; tā ir organizācija, kas darbojas pēc UNESCO principiem) 20. ģenerālās asamblejas laikā 1989. gadā Čehoslovakijā mēs iesniedzām oficiālu iesniegumu, lai asociāciju «Baltica» pieņemtu par šīs organizācijas pilntiesīgu locekli (neatkarīgi no Padomju Savienības), tādējādi sekmējot tiešus sakarus, kā arī nostiprinot un veicinot folkloras kustību Baltijas valstīs.

Pēc ilgām diskusijām Valdē un Juridiskajā komisijā tika nolemts, ka mūsu iesniegums būtu atbalstāms, neraugoties uz to, ka pēc statūtiem CIOFF sastāvā var tikt uzņemtas vienīgi neatkarīgas valstis. Tas tika darīts, atzīstot mūsu folkloras kustības augsto līmeni un lielo starptautisko interesi par to, kā arī nemot vērā politiskās izmaiņas Austrumeiropā un īpaši Baltijas valstīs. CIOFF 21. ģenerālajā asamblejā 1990. gada septembrī Kvebekā (Kanādā) folkloras asociācija «Baltica» tika vienprātīgi uzņemta CIOFF sastāvā. Tai pašā asamblejā UNESCO piešķīra CIOFF statusu B, kas savukārt nostiprināja šīs organizācijas starptautisko nozīmīgumu. Ziemeļeiropas sektora valstis, kuras ar īpašu sirsnību atbalstīja mūsu centienus, uzaicināja mūs piedalīties CIOFF darbā kopā ar Ziemeļeiropas sektorū.

CIOFF ir vispasaules organizācija, tā pārstāvēta visos kontinentos. Uzņemšana tik ievērojamā organizācijā bija nozīmīga ne tikai mūsu folkloras kustībai, bet arī mūsu brīvības centieniem plašākā nozīmē. CIOFF faktiski bija pirmā starptautiskā organizācija (turklāt saistīta ar UNESCO), kura pieņēma Baltijas valstis par savām pilntiesīgām loceklēm neatkarīgi no Padomju

Association «Baltica»— independent member of CIOFF

The first International Folklore Festival «Baltica» took place in 1987 in Vilnius, the second was held the next year in Riga. Before the third festival in Tallinn the organizers came to the conclusion that it was inevitable to found a standing festival organization in order to coordinate the conceptual and practical problems, to exchange information and consolidate the efforts of the societies promoting folklore movement in the Baltic countries.

sations de Festivals de Folklore et d'Arts Traditionnels, an organization acknowledging the principles of UNESCO), which was held in Czechoslovakia in 1989 we submitted the official application for «Baltica» being accepted as an independent associate member of this organization (separately from the Soviet Union), thus promoting direct contacts as well as supporting and stimulating the folklore movement of the Baltic countries.

After long discussions in the Executive Board and Legal Commission it was decided that our application should be supported, regardless of the fact that according to the Statute, only independent states (member states of the United Nations Organization, as a rule) could be accepted in CIOFF. In doing so they considered the high level of and the international interest towards our folklore movement, as well as the political

Asociācijas «Baltica» dibināšanas diena

On the foundation day of association «Baltica»

В день создания ассоциации «Baltica»

The Folklore Association «Baltica» was founded in Riga on April 5, 1989 on the basis of national folklore societies of Estonia, Latvia and Lithuania. The aim of the Association is to preserve and disseminate the ethnic culture of the Baltic nations. The main activities include: the arrangement of the International Folklore Festival «Baltica», the coordination of folklore activities, exchange of information and the promotion of foreign relations.

The Folklore Association «Baltica» belongs to the first Estonian, Latvian and Lithuanian joint organizations which were officially founded in order to carry out joint activities for achieving common cause. Together it was also easier to gain direct contacts with the world folklore organizations.

During the 20th General Assembly of CIOFF (Conseil International des Organi-

changes in East Europe and especially in the Baltic countries. At the 21st General Assembly of CIOFF in Quebec, Canada, in September, 1990 the Folklore Association «Baltica» was unanimously accepted as the associate member of CIOFF. During the same Assembly CIOFF was granted Status B by UNESCO, which in its turn adds to the international importance of this organization. The members of the Northern European Sector who seconded our petition with special cordiality, invited us to participate in the activities of CIOFF in the complement of the Northern European Sector. CIOFF is in substance a worldwide organization, it has member states on all continents. Our acceptance as a member of such a respectable organization was important not only to our folklore movement, but it also recognized our aspirations for independence in a wider sense. Actually

Savienības. 1990. gada decembrī tika parakstīts sadarbības līgums starp Ziemeļvalstu folkloras organizāciju NORDLEK un asociāciju «Baltica». Līgums tika noslēgts līdz 1994. gadam, un tā mērķis ir attīstīt sakarus starp tautas dziesmu, deju un mūzikas kolektīviem Baltijā un Ziemeļvalstīs, apmainoties ar informāciju un skolotājiem, izveidot tiešus kontaktus starp Baltijas valstu un Ziemeļvalstu folkloras organizācijām.

Mēs vēlētos arī turpināt labās attiecības ar dažādu Padomju Savienības nāciju folkloras kustībām, kā arī apstiprinām gatavību sadarboties ar demokrātiskajiem spēkiem, kas dod svarīgu garantiju visu mūsu centienu sasniegšanai.

Šodien Baltijas valstu neatkarības kustība ir guvusi plašu atbalsti arī dažādu valstu valdību līmenī, un šis starptautiskais atbalsts pieaug. Ar nožēlu jāsecina, ka to pašu nevar sacīt par centra administrāciju Maskavā un tās reakcionāro politiku — vispirms Lietuvas ekonomiskā blokāde, pēc tam tieša militāra iejaukšanās paralizējoši ietekmēja arī mūsu folkloras kustību. Tā, ekonomiskās blokādes dēļ nācās atcelt 1990. gada festivālu «Baltica» Viļnā. Mēs no visas sirds ceram, ka draudīgie mākoņi virs mūsu galvām izklīdīs, un festivāls Latvijā norītes ar panākumiem.

F. Brīvzemnieka latviešu folkloras biedrības priekšsēdētājs Dainis Stalts

Chairman of F. Brīvzemnieks latvian folklore society Dainis Stalts

Председатель латышского фольклорного общества им. Ф. Бривземниекса Дайнис Сталтс

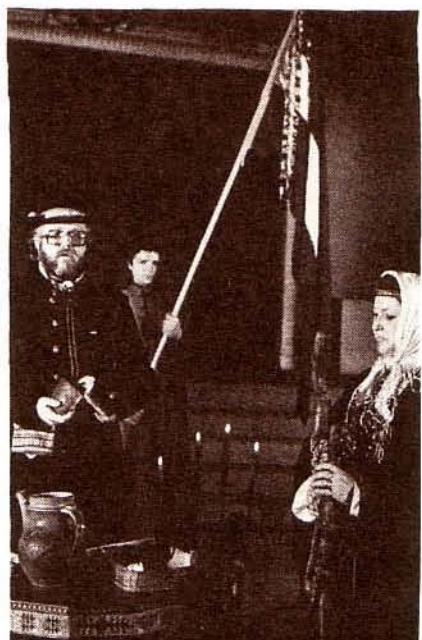
Tai pašā laikā jāpiezīmē, ka tradicionālā kultūra, tas ir, tautas dziesmas un dejas ir allaž kuplinājušas visus Baltijas nāciju neatkarības kustību pasākumus, turklāt ne vien kā organizēti priekšnesumi, bet arī kā spontāna cilvēku pašdarbība. Mēs, Baltijas valstu mazās nācijas, nevaram paļauties uz fizisku spēku. Mūsu vissvarīgākais ierocis ir mūsu garīgā nosvērtība un iekšējā pārākuma apziņa pat visgrūtākajos brīžos. Baltijas nācijas stājas pretim militāram spēkam un ieročiem ar neatlaidību, dvēseles spēku un solidaritātes jūtām, kuras pastiprina un padzīlina mūsu dziesmas un dejas.

Un pat tad, ja kādu dienu atvērtos durvis uz brīvo Eiropas tautu saimi, mūsu tradicionālā kultūra tomēr joprojām mums būs svarīga un paliekoša vērtība, kas saglabā un aizsargā mūsu nacionālo un arī kultūrālo identitāti.

*Ingrīda Rītela,
folkloras asociācijas «Baltica»
prezidente*

CIOFF was the first international (more-over: connected with UNESCO) organization who accepted the Baltic countries as its legal members separately from the Soviet Union. In December, 1990 the cooperation agreement between the folklore organization of the Nordic countries «Nordlek» and «Baltica» was signed. The agreement is valid for the years 1991—1994 and its aim is the development of direct contacts between folk song, folk dance and folk music groups of the Baltic and Nordic countries, to exchange information in the field of folklore movement, to exchange instructors and teachers of folk dances, folk music and folk songs, to establish direct contacts of the folklore organizations of the Nordic and Baltic countries.

We would also like to continue and intensify good relations with the folklore movements of the various nations of the Soviet Union, as well as confirm the alliance with the democratic forces in the Soviet Union, which provides an important guarantee for the realization of all our endeavours. For today the independence movement of

the Baltic countries has obtained wide acknowledgement also on state level by various governments and this kind of international support is growing. We regret to say that the same does not apply to the central administration in Moscow and their reactionary political actions — at first the economic blockade of Lithuania, later the direct armed interference of the internal military forces had a paralyzing effect on our folklore movement as well. Thus due to the economic blockade the «Baltica» festival of 1990 in Vilnius was cancelled. With all our heart we hope that the ominous clouds above our heads will disperse and the coming festival in Latvia proves to be a success.

At the same time it is quite remarkable that traditional culture, i. e. folk songs and folk dances have continuously accompanied the undertakings of the independence movement of all the Baltic nations; and thereby not only as organized group performances but also as spontaneous self-ex-

pressions of the people. We, the small nations of the Baltic countries can not rely on physical force. For us of greatest importance is our intellectual composure and inward superiority even in the most difficult situations. The Baltic nations confront military force and the arms with persistance, strength of soul and feeling of solidarity, which are invigorated and deepened with the help of our songs and dances.

Even if some day the door to the family of free European nations is opened for us, the traditional folk culture is still going to be of important and lasting value for us in order to retain and safeguard our national as well as cultural identity.

*Ingrid Rüütel,
president of the folklore
association «Baltica»*

Фольклорная ассоциация «Baltica»— полноправный член CIOFF

Первый международный фольклорный фестиваль «Baltica» проводился в Вильнюсе в 1987 году, второй — через год в Риге. Перед третьим фестивалем в Таллине его организаторы пришли к выводу, что необходимо создать постоянную организацию для проведения фестивалей, чтобы координировать решения концептуальных и практических проблем, обеспечивать обмен информацией и объединять усилия фольклорных движений Балтийских стран.

ассамблеи CIOFF (Conseil International des Organisations de Festivals de Folklore et d'Arts Traditionnels — организация, действующая согласно принципам UNESCO) в 1989 году в Чехословакии, мы подали официальное заявление, чтобы ассоциацию «Baltica» приняли полноправным членом этой организации (независимо от СССР), таким образом способствуя расширению прямых связей и развитию фольклорного движения в Балтийских странах.

После долгих дискуссий в Правлении и Юридической комиссии было решено, что наше заявление следует поддержать, несмотря на то, что по уставу в состав CIOFF могут быть приняты только независимые государства. Это было сделано в знак признания высокого уровня нашего фольклорного движения и в связи

Фольклорная ассоциация «Baltica» была создана 5 апреля 1989 года в Риге. Она объединяет национальные фольклорные общества Эстонии, Латвии и Литвы. Целью ассоциации является сохранение и популяризация этнической культуры Балтийских стран. Главными направлениями являются: организация международного фольклорного фестиваля «Baltica», координация фольклорных мероприятий, обмен информацией, а также расширение международных связей. Фольклорная ассоциация «Baltica» принадлежит к первым официально созданным совместным организациям эстонцев, латышей и литовцев для объединения сил на пути к достижению общей цели. Совместно также легче было установить прямую связь с фольклорными организациями мира.

Во время проведения 20-ой генеральной

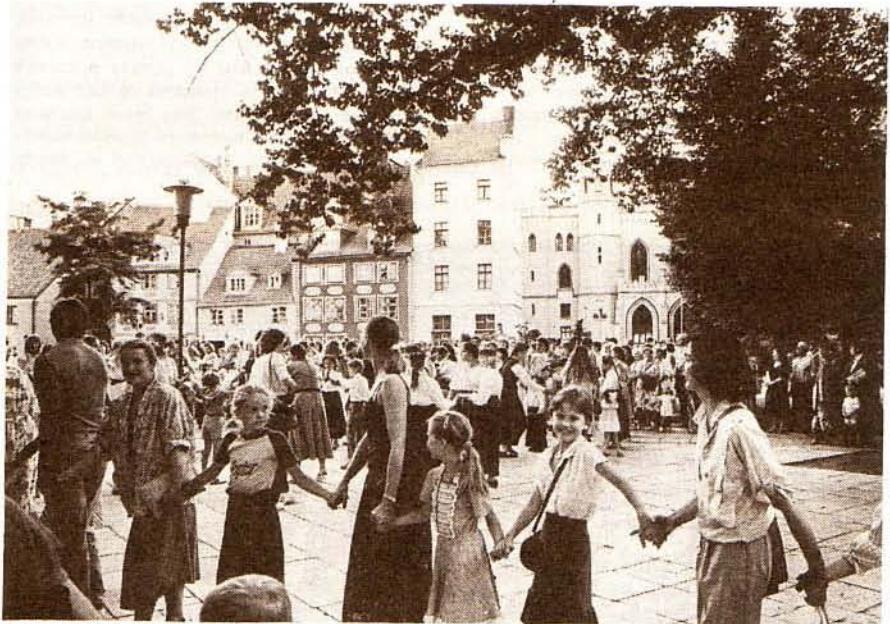
с большим международным интересом к нему, а также принимая во внимание политические перемены в Восточной Европе и, особенно, в Балтийских странах. На 21-ой Генеральной ассамблее CIOFF в сентябре 1990 года в Квебеке (Канада) фольклорная ассоциация «Baltica» была единогласно принята в состав CIOFF. На той же ассамблее UNESCO присудило CIOFF статус В, что, в свою очередь, укрепило международное значение этой организации. Страны Североевропейского сектора, которые с особой сердечностью поддержали наши стремления, пригласили нас принять участие в работе CIOFF совместно со Североевропейским сектором.

CIOFF — всемирная организация, она представлена на всех континентах. То, что мы были приняты в такую заметную организацию, имеет значение не только

для нашего фольклорного движения, но и для наших устремлений к свободе в более широком смысле. СIOFF фактически была первой международной организацией (причем связанной с UNESCO), которая приняла Балтийские страны полноценными членами независимо от СССР. В декабре 1990 года был подписан договор о сотрудничестве между фольклорной организацией Северных

республик и хорошими отношениями с фольклорными движениями разных наций Советского Союза и подтверждаем готовность сотрудничать с демократическими силами в Советском Союзе, что дает важную гарантию достижения всех наших устремлений.

Сегодня движение независимости Балтийских стран получило широкий резонанс на уровне правительств разных стран, и эта международная поддержка возрастает. С сожалением надо констатировать, что этого нельзя сказать об администрации центра в Москве и ее реакционной политике — сначала экономическая блокада Литвы, а потом и прямое военное вмешательство парализующее повлияли и на наше фольклорное движение. Так, из-за экономической блокады пришлось отметить фестиваль «Baltica'90» в Вильнюсе. Мы от всего сердца надеемся, что грозные тучи над нашими головами рассеются, и фестиваль в Латвии пройдет с успехом. В то же время надо отметить, что традиционная культура, то есть народные песни и танцы, всегда обогащали мероприятия движений независимости балтийских наций, не только как организованные выступления, но и как спонтанная самоактивность людей. Мы, маленькие нации Балтийских стран, не можем положиться на физическую силу. Наше самое важное оружие — это уравновешенность духа и сознание внутреннего превосходства даже в самые трудные минуты. Балтийские нации противопоставляют военной силе и оружию свое упорство, силу духа и чувства солидарности, усиленные и углубленные нашими песнями и танцами.

стран NORDLEK и ассоциацией «Baltica». Договор заключен до 1994 года и его цели — развитие прямых связей между коллективами народных песен, танцев и музыки Балтии и Северных стран; обмен информацией по фольклору; обмен учителями народных песен, танцев и музыки; создание прямых связей между фольклорными организациями Балтийских и Северных стран. Мы хотели бы также продолжать и ук-

И даже когда в один прекрасный день нам откроется дверь в семью свободных европейских народов, наша традиционная культура останется для нас тем сокровенным, что сохраняет и защищает нашу национальную и культурную идентичность.

*Ингрид Рюйттел,
президент фольклорной
ассоциации «Baltica»*

Kad folklorā svin svētkus

LAI saprastu, cik ļoti lielā mērā svētki un festivāli var mūs ievadīt folkloras garīgajā atmosfērā, ir tikai jāpiedomā, ko svētki nozīmēja tiem, kuri folklorā dzīvoja diendienā, to radīja. Svētku dienām (romiešu Dies festi) tradicionālajā kultūrā bija svarīgais mērķis izraut cilvēkus no ikdienas reglamentācijas un sniegt viņiem dzīves pilnestības vai arī dievības klātbūtnes izjūtu. Svētki atjaunoja psiholoģisko līdzsvaru, atkal samierināja ar Sīzifa akmeni. Un ko gan citu senajā folklorā meklējam mēs, ja ne cilvēku, kas brīvs no modernās civilizācijas nosacītībām. Dzīvo saskaņā ar dabu un dabisko, nešķirdams apziņu no prakses, tikumisko no veselīgā,

un savā vienkāršibā dzīvo pilnvērtīgāku, veselāku dzīvi. Svētki atbrīvo. Šī cilvēku atbrīvotība rada vidi, kas uzņēmīga nupat piesauktajām folkloras vērtībām. Zūd profesionālās mākslas radītā distance starp devējiem un ḥēmējiem, tiek pieņemts folkloras zemais vai neesošais mākslinieciskās nosacītības slieksnis, kad māksla izlīdzinās ar pašu dzīvi. Folkloras mantojums no krātuvju plauktiem iznāk atpakaļ brīvē, puķe no herbārija sāk zaļot, folklorā atgriežas sabiedrībā — zinātniski sakot — resocializējas. To sevišķi spilgti pieredzēja «Baltica' 88» aculiecinieki — folkloras grupas, kas ilgi bija atradušās kādas apšaubāmas alternatīvas kultūras meklētāju un izcīnītāju stāvoklī, nu svētku atmosfērā, neformālās, spontānas kultūrizturē-

šanās apstākļos, tika visplašākajā, piemēram, Doma laukuma auditorijā, uzņemtas kā īstākie sabiedrības ilgu izteicēji. Un par folkloras galveno vērtību izrādījās ne tik daudz dziedātais mantojums, cik pati folkloriskā izturēšanās, pārviezdamās arī uz klausītājiem, līdzpārdzīvotājiem un būdama saistīta ar dabiskākām, neformālākām ļaužu savstarpējām attiecībām un autentiskāku dzīves uztveri.

Svētki aptur dzīves rutīnu, laiks apstājas, un pārņem sajūta, ka dzīve jebkurā mirklī var pārvērsties, sākdamās no jauna — citāda. Senatnē šī atjaunošanās ideja bija galveno tradicionālo svētku kodols. Tā bija saistīta ar dzīves un kosmosa sākotņu meklējumiem — vajadzēja kaut kādā simbolā gūt priekšstatu «kā bija sākumā» (kosmogenisko mītu atveidojums ieražās u.c.), lai cilvēki varētu dzīvi atkal uzņemties no jauna. Un šo rituālu dzīlākā jēga — pārbaudīt pasaules un cilvēka dzīves saišu un sakarību jēdzīgumu, īstumu. Arī te ir paralēle ar mūsu attieksmi pret folkloru. Arī mēs folklorā meklējam savu sākotni, etnisko identitāti, cilvēcisko veselumu. Tas ir vēl viens svētku un folkloras saskares punkts.

Zināms, mūsdienu festivālu drūzmā folklorā uzduras arī vienam otram piedauzības akmenim, pretrunai. Var jautāt, vai festivāli, kuros pulcējas ļaužu tūkstoši, ir labākais folkloras popularizācijas veids, ja reiz mūsu, ziemeļeiropiešu, tradicionālajās kultūrās folklorā taču cirkulēja vienas vai dažu saimju ietvaros un ir tapusi nelielas ļaužu kopas kontaktu vajadzībām? Vai folkloras grupa neizskatās nožēlojami kaut kur stadiona amfiteātra ielenkumā? Jā, tā būs nožēlojama — it īpaši, ja stadionu pildīs alkatīgu ļaužu pulki ar pasīvu kultūras patērētāju attieksmi, kuru vienīgā prasība būs «rādi mums brīnumu!» Bet šī folkloras devēja un nēmēja neatbilstība krietni vien saruks, ja tā būs folkloras estētikai atsaucīga, līdzpārdzīvojoša vide.

Tad metīsim jel prom splīnu un nāksim uz folkloras svētkiem iekšēji sagatavojušies, gatavi savām dvēselēm nolobīt iesīkstējušo priekšstatu cietās čaulas! Svētki var pārvērst mūsu dzīvi, mūsu attieksmi vienam pret otru. Jo varam pārtapt mēs paši.

*Arnolds Klotiņš,
muzikologs*

When folklore celebrates

To understand how extensively holidays and festivals can submerge us into the mental atmosphere of folklore, we need only imagine what holidays meant to those who lived with folklore in their everyday life and created it.

Traditionally the main goal of festive days (Roman — Dies festi) was to yank people out of their regimented everyday life and offer them a feeling of fulfilment or the sense of the closeness of deity. Holidays renewed their psychological balance and evened things out with the rock of Sisyphus. And what are we looking for in ancient folklore if not for man, free of the prerequisites of modern civilization? Live in accordance with nature and the natural, not dividing conscience from practice, the ethical from the healthy, and in your simplicity live a fuller, healthier life. Holidays liberate. This human liberation creates an environment which is receptive to the aforementioned folkloristic values. The distance between suppliers and demanders, which has been created by professional art, disappears. The low or non-existent level of artistic requirement in folklore is accepted when art merges with life itself. The folkloric heritage comes from the storage shelves back into freedom, a flower from a herbarium starts to bloom, folklore returns to society — scientifically speaking — resocializes. This was keenly felt by witnesses of «Baltica'88» — folklore ensembles, who had long been regarded as searchers and seekers of a dubious, alternative culture, in the festival atmosphere, in informal, spontaneous culture-behaviour conditions, were received as the truest expressers of society's longings by the broadest of audiences, for example in Dome Square. And the greatest virtue of folklore proved to be not so much heritage, as folkloric behaviour itself, including in itself the audience, fellow-experiencers and being linked to more natural, less formal human relationships and a more authentic outlook on life.

Holidays break the routine of life, time stops, and we are overwhelmed by a feeling that at any moment life can change, starting anew, into something different. In the past, the idea of renewal was the central idea of traditional holidays. It was necessary to have an idea, through a symbol, of «what the beginning was like» (the representation of astronomical myths in traditions etc.), so that people would be able to start life anew. The deeper meaning of these rituals — to test the sensibility of worldly and human relationships, their reality. Here we have another parallel with our attitude towards folklore. In folklore we are also looking for our origins, ethnic identity, human wholeness. This is another meeting point of holidays and folklore.

In today's abundance of festivals, of course, folklore touches upon a few points of questionable ethics. Are festivals, where thousands of people amass, the best way to popularize folklore, if in our traditional northern European cultures folklore circulated within the boundaries of one or a few households and was formed for the

needs of a small group of people? Will a folklore ensemble not look pathetic encircled by a stadium? Yes, it will be pathetic — especially if the stadium is crowded with eager masses of people with a passive culture consumer attitude whose only request is, «Show us a marvel!». But this inconsequence of producer and consumer will be considerably smaller if it is an environment receptive to folkloric aesthetics and experiences.

So let us discard our smirking and come to the folklore festival, prepared, ready to peel off the hard, toughened shells of set ideas! The festival may alter our lives, our attitude towards one another. For we ourselves can change.

*Arnolds Klotiņš,
musicologist*

Когда у фольклора праздник

Чтобы понять, в какой большой мере праздники и фестивали могут ввести нас в духовную атмосферу фольклора, надо только вспомнить, что значил праздник для тех, кто ежедневно жил в фольклоре и его создавал.

В традиционной культуре главной целью праздничных дней (римские Dies Festi) было — вырвать людей из повседневной регламентации и дать им чувство полноты жизни или присутствия божества. Праздники восстанавливали психологическое равновесие, вновь примиряли с Сизифовым камнем. И что иное в древнем фольклоре ищем мы, как не челове-

наприимер, на Домской площади, как самые настоящие выразители чаяний общества. И самой большой ценностью фольклора оказалось не столько песенное наследство, сколько само фольклорное поведение, перекинувшееся также на сопереживающих зрителей, будучи связанным с естественными, неформальными отношениями между людьми и более аутентичным восприятием жизни.

Праздник останавливает повседневность жизни, время останавливается, и кажется, что жизнь каждый миг может преобразиться, начавшись заново — по-новому. В давние времена эта идея возобновления была ядром главных традиционных праздников. Она была связана с поисками начал жизни и космоса — надо было в каком-то символе найти представление «как было вначале» (воспроизведение космогонических мифов в образах и др.), чтобы люди могли начать жизнь сначала. И глубинный смысл этих ритуалов — проверить значительность, подлинность связей и отношений между миром и человеком. И здесь тоже имеется параллель нашему отношению к фольклору. Мы также ищем в фольклоре свое начало, этническую идентичность, человеческую целостность. Это еще одна точка соприкосновения праздника и фольклора.

Известно, что в суполоке современных фестивалей фольклор натыкается и на некоторые препятствия, противоречия. Можно спросить, являются ли лучшим видом популяризации фольклора фестивали, на которые собираются тысячи людей, если в наших североевропейских культурах фольклор циркулировал в рамках одной или несколько семей и создавался для контактов между небольшими группами людей? Не будет ли у фольклорной группы жалкий вид в окружении амфитеатра стадиона? Да, он будет жалкий — особенно, если стадион заполняют полчища альчных людей — пассивных потребителей культуры, единственным требованием которых будет «покажи мне чудо!». Но это несоответствие между дающим и берущим фольклор изрядно сократится, если это будет среда отзывающая, сопереживающая эстетике фольклора.

Так отбросим же свое высокомерие и придем на фольклорный праздник внутренне подготовленными, готовыми скинуть со своих душ твердые скорлупы живущих представлений! Праздник может преобразить нашу жизнь, наше отношение друг к другу. Потому, что можем измениться мы сами.

*Арнолдс Клотиньш,
музыколог*

ка, свободного от условностей современной цивилизации? Живи в согласии с природой и всем естественным, не отделя сознание от практики, нравственное от здорового, и в своей простоте живи более полноценной и здоровой жизнью. Праздник раскрепощает. Эта раскрепощенность людей создает среду, которая воспримчива к уже упомянутым фольклорным ценностям. Пропадает дистанция между дающими и берущими, созданная профессиональным искусством, искусство сравнивается с самой жизнью. Фольклорное наследие с полок хранилищ выходит назад на свободу, цветок из гербария оживает, фольклор возвращается в общество, по-научному — ресоциализируется. Это особо ярко увидели очевидцы «Baltica'88» — фольклорные группы, которые долго находились в положении какой-то сомнительной альтернативной культуры, теперь, в праздничной атмосфере, в условиях неформальных, спонтанных культурных отношений были приняты самой широкой аудиторией,

Festivāla galvenie pasākumi

Otrdiena, 9. jūlijs

19. 00

IESKAŅU KONCERTI Nacionālajā teātrī, kamermūzikas zālē «Ave sol», Dekoratīvi lietišķas mākslas muzejā, Rīgas Tehniskās universitātes studentu klubā, kultūras namā «Mazā Ģilde». Piedalās Latvijas, Lietuvas un Igaunijas folkloras kopas

20. 00

SADZIEDĀŠANA UN SADANCOŠANA Doma laukumā, Pils laukumā, pie Bastejkalna, pie Filharmonijas, pie Pēterbaznīcas

Trešdiena, 10. jūlijs

20. 00

FESTIVĀLA ATKLĀŠANA Latvijas Etnogrāfiskajā brīvdabas muzejā

Ceturtdiena, 11. jūlijs

11. 00

FESTIVĀLA VIESU KONCERTI Nacionālajā teātrī, kamermūzikas zālē «Ave sol», Dekoratīvi lietišķas mākslas muzejā, Rīgas Tehniskās universitātes studentu klubā, kultūras namā «Mazā Ģilde»

18. 00

FESTIVĀLA DALĪBNIEKU GĀJIENS: Senču iela — Brīvības iela — Vecrīga

20. 00

DIŽKONCERTS NACIONĀLAJĀ TEĀTRĪ

20. 00

FESTIVĀLA KONCERTI kamermūzikas zālē «Ave sol», Rīgas Tehniskās universitātes studentu klubā, kultūras namā «Mazā Ģilde»

20. 00

SADZIEDĀŠANA Doma laukumā, Pils laukumā, pie Bastejkalna, pie Filharmonijas, pie Pēterbaznīcas

21. 30

Festivāla dalībnieku sadancošana Daugavmalā

22. 00

Mazā kopu koncerts Dekoratīvi lietišķas mākslas muzejā

Festival main events

Tuesday, July 9

7:00 pm

Introductory concerts — National Theatre, «Ave Sol» Chambermusic Hall, Museum of Decorative Applied Art, Riga Technical University Student Club, «Mazā Ģilde» Culture Hall. Latvian, Lithuanian and Estonian folklore ensembles.

8:00 pm

Joint singing and dancing — Dome Square, Palace Square, by Bastejkalns, by the Philharmonic Building, by St. Peter's Church.

Основные мероприятия фестиваля

Вторник, 9 июля

19.00

Вступительные концерты в Национальном театре, зале камерной музыки «Аве сол», Музее Декоративно-прикладного искусства, студенческом клубе Рижского технического университета, в доме культуры «Малая гильдия». Участвуют фольклорные группы Латвии, Литвы и Эстонии.

20.00

Совместные песни и танцы на Домской площади, на площади Пилс, у Бастionной горки, у Филармонии, у церкви Петра

Wednesday, July 10

8:00 pm

Festival opening ceremony in the Ethnographical Open-Air Museum of Latvia.

Среда, 10 июля

20.00

Открытие фестиваля в Латвийском этнографическом музее под открытым небом

Thursday, July 11

11:00 am

Visiting ensemble performances — National Theatre, «Ave Sol» Chambermusic Hall, Museum of Decorative Applied Art, Riga Technical University Student Club, «Mazā Ģilde» Culture Hall.

6:00 pm

Festival procession: Senču street — Brīvības street — Riga old city.

8:00 pm

Grand concert — National Theatre

8:00 pm

Festival concerts — «Ave Sol» Chambermusic Hall, Riga Technical University Student Club, «Mazā Ģilde» Culture Hall.

8:00 pm

Joint singing — Dome Square, Palace Square, by Bastejkalns, by the Philharmonic Building, by St. Peter's Church.

9:30 pm

Festival member dancing on the Daugava embankment.

10:00 pm

Small ensemble concert — Museum of Decorative Applied Art.

Четверг, 11 июля

11.00

Концерты гостей фестиваля в Национальном театре, в зале камерной музыки «Аве сол», в Музее декоративно-прикладного искусства, студенческом клубе Рижского технического университета, в доме культуры «Малая Гильдия»

18.00

Шествие участников фестиваля: ул. Сенчу — ул. Бривибас — Старая Рига

20.00

Большой концерт в Национальном театре

20.00

Концерты фестиваля в зале камерной музыки «Аве сол», студенческом клубе Рижского технического университета, доме культуры «Малая Гильдия»

20.00

Совместное пение на Домской площади, на площади Пилс, у Бастionной горки, около Филармонии, у церкви Петра

21.30

Совместные танцы участников фестиваля на набережной Даугавы

22.00

Концерт малых групп в Музее декоративно-прикладного искусства

Piektdiena, 12. jūlijs

10. 00
Festivāla dalībnieku izbraukšana uz Latvijas novadiem: Balvu, Preiļu, Liepājas, Tukuma un Ventspils rajoniem
12. 00
BĒRNU FOLKLORAS DIENA
Vecrīga
SOMUGRU FOLKLORAS DIENA
Turaidas muzejrezervātā
14. 00
Latvijas novadu sasaukšanās Dainu kalnā
15. 00
Gaujas lībiešu folkloras un etnogrāfijas izstādes atklāšana Turaidas pilī
16. 00
Festivāla viesu koncerts Dziesmu dārzā
19. 00
Sadziedāšana un sadancošana Jāņkalnā
19. 00
FESTIVĀLA KONCERTI kamermūzikas zālē «Ave sol», Rīgas Tehniskās universitātes studentu klubā, Dekoratīvi lietišķas mākslas muzejā, kultūras namā «Mazā Ģilde»

Friday, July 12

10:00 am
Festival members leave for different regions of Latvia: Balvi, Preiļi, Liepāja, Tukums and Ventspils.
12:00
Children's folklore day — Riga old city Finno-ugric day — Turaida Museum Preserve
2:00 pm
Regions of Latvia hailing each other — Dainu kalns
3:00 pm
Opening of exhibition about the Gauja Livs — Turaida Castle
4:00 pm
Visiting ensemble performance — Dziesmu dārzs (Song Garden)
7:00 pm
Joint singing and dancing — Jāņkalns
7:00 pm
Festival concerts —«Ave Sol» Chamber-music Hall, Museum of Decorative Applied Art, Riga Technical University Student Club, «Mazā Ģilde» Culture Hall.

Пятница, 12 июля

10.00
Выезд участников фестиваля в районы Латвии: Балвский, Прейльский, Лиепайский, Тукумский и Вентспилсский районы
12.00
День детского фольклора в Старой Риге
День фольклора финно-угорских народов в музее-заповеднике Турайда
14.00
Перекличка областей Латвии на Горе Дайн
15.00
Открытие экспозиции о ливах Гауи в Турайдском замке
16.00
Концерт гостей фестиваля в Саду песен
19.00
Совместные песни и танцы на Янякалнс
19.00
Концерты фестиваля в зале камерной музыки «Аве сол», в студенческом клубе Рижского технического университета, в Музее декоративно-прикладного искусства, в доме культуры «Малая Гильдия»

Sestdiena, 13. jūlijs

FESTIVĀLA DALĪBΝIEKU KONCERTI Latvijas novados: Balvu, Preiļu, Liepājas, Ventspils un Cēsu rajonos
12. 00
AMATU DIENA Latvijas Etnogrāfiskajā brīvdabas muzejā
19. 00
FESTIVĀLA KONCERTI Dekoratīvi lietišķas mākslas muzejā, kultūras namā «Mazā Ģilde»

Saturday, July 13

Festival member concerts in different regions of Latvia: Balvi, Preiļi, Liepāja, Ventspils and Cēsis.
12:00
Craftsmen day in the Ethnographical Open-Air Museum.
7:00 pm
Festival concerts — Museum of Decorative Applied Art, «Mazā Ģilde» Culture Hall.

Суббота, 13 июля

Концерты участников фестиваля в областях Латвии: в Балвском, Прейльском, Лиепайском, Вентспилском и Цесисском районах
12.00
Праздник ремесленников в Латвийском этнографическом музее под открытым небом
19.00
Концерты фестиваля в Музее декоративно-прикладного искусства, в доме культуры «Малая Гильдия»

Svētdiena, 14. jūlijs

18. 00
FESTIVĀLA NOSLĒGUMS Mežaparka Lielajā estrādē

Sunday, July 14

6:00 pm
Festival closing — Grand Stage in Mežaparks

Воскресенье, 14 июля

18.00
Закрытие фестиваля на Большой эстраде в Межапарке

Gimene un ķīmenes godi latviešu tautas tradīcijās

FOLKLORA glabā atziņu un rituālu kopumu, ko katras tautas savā vēsturiskās attīstības gaitā uzkrājusi. Dzīvo folkloru, kas var izteikties tikai dzīvu cilvēku rīcībā un mijiedarbē, mūsu dienās saglabā un pārnes pārnes īpašas folkloras kopēju un entuziastu grupas. Senāk galvenā tradīciju glabātāja un pār-

nesēja bija ģimene un saime, kura gan ikdienā, gan svētku brīžos zināja, kas katrā brīdī darāms, kā un kāpēc, sekojot savas tautas pieredzei un paražām. Gimene bija tā, kas rūpējās, lai katram tās loceklim tiktu pienācīgi atzīmēti un nosvinēti visi galvenie dzīves pārejas un pieturas punkti — mūža godi.

Latviešu tautas tradīcijās cilvēka bērns šajā vieliskajā pasaulē ienāk caur «Māras vārtiem», un baltos linu palagos to saņem miesīgā māte. Ja bērniņam laimējas, viņš ierodas ne tikai mātes un tēva, bet visas savas dzimtas gaidīts. Radu saime gaidīt gaida priecīgo vēsti, ka «jauni radi brālīšos», kaimiņi vēro, vai neparastā laikā tiks pirts kurināta, dažs labs ar klusu cerību: «Ja Dievs dos, Laima liks, tur būs man krusta bērns.»

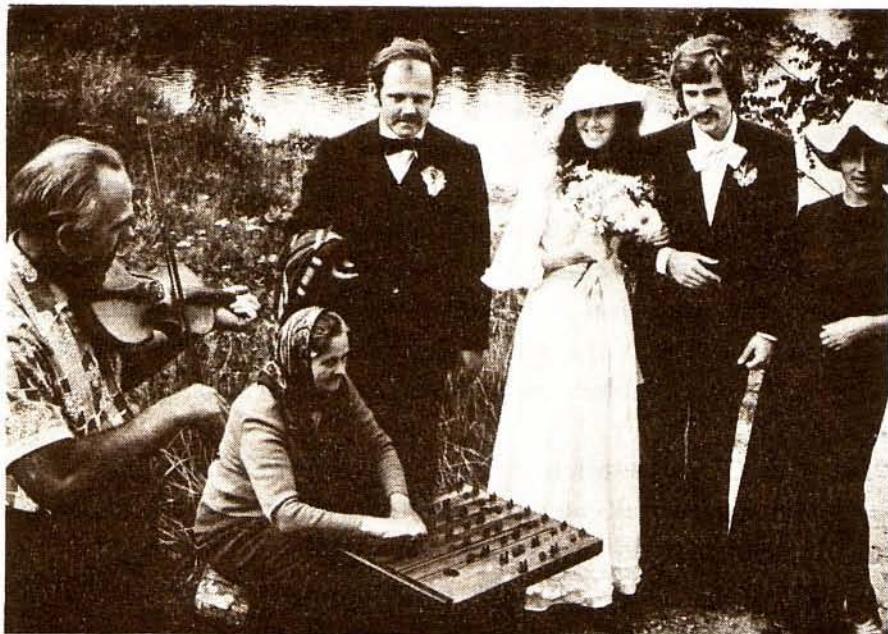
Bērna piedzimšanā atklājas dzīvības radīšanas mistērija. Kāds gars top miesa un mājo uz laiku mūsu vidū. Tamdēļ dzimšanas brīdi apvij cieņas pilna un svētsvinīga gaisotne. Dzimšana notiek pirtīnā — tūrā, klusā, no saimes burzmas atstatā, Māras un Laimas svētitā vietā — bet ne vientulībā. Grūtniecei blakus ar palīdzību, padomu un atbalstu stāv vietējā vecmāte, pašas māte, radu sievas. Viņas gādā, lai ar pareiziem rituāliem apvītas būtu gan pašas radības, gan raudzības un pirtīzas, gan vēlākās atšķirtības.

Pats pirmsais no lielajiem mūža godiem ir kristības, kad bērns iegūst vārdu un tiek svinīgi uzņemts savā dzimtā. Senos laikos tas bija kritisks brīdis, jo kroplu vai vārgu bērnu dzimta varēja arī nepaturēt. Vēlāk šis solis atkrita, un dziesmas un rituāli savījās ap galveno tēmu — apveltīt jauno dzīvībiņu ar labākajiem vēlējumiem, ko katrs spēja izdomāt. Tā katra kustība, katrs žests, katra dziesma ieguva maģisku nozīmi. Viss bija jādara tā, lai, bērnam augot, tie nestu laimi, veselību, svētību un bagātību.

Kristību rituālā bērns no anonīma zīdaiņa — lellites vai krievēniņa — kļūst par indivīdu, kurš tagad nes personīgu vārdu: «Lellīti aizvedām, Jānīti pārvēdam.» Kūmas dažādos veidos velk visas izdarības garumā, «spēlē teijāteri», taisa jokus, tā radot improvizētu drāmu, kurā katrs var piedalīties. Dramatisms rada svētku noskaņu, pēc iespējas atšķirīgu no ikdienas dzīves pelēcības, lai izceltu bērna uzņemšanu dzimtā kā vērā liekamu un vienreizēju notikumu, lai uzsvērtu arī jaundzimušā bērna neatvietojamo individuālo vērtību. Gimene burtiski dod godu, tas ir, izrāda cieņu, jauno locekli uzņemot savā vidū: «Šūpo, māte, auklē, māte, Neba nieka bērniņš biju: Lielu radu, labu ļaužu, No godīgas māmulītes.»

Bērnam augot, ģimenes lokā viņš pamazām apgūst visas tās mākas, kas nepieciešamas, lai cilvēks spētu darboties sabiedrībā kā pilnvērtīgs loceklis. Pie tām pieder valoda, ko bērns sāk mācīties jau no pirmajām māmiņas dziedātām šūpuļa dziesmām. Vēlāk meitas audzināšanu pārņem māte, dēla audzināšanu — tēvs. Bet visu laiku bērnam visapkārt ir ne tikai tiešie ģimenes locekļi, bet arī vesela lielgimene un lauku sētas saime. Viņi visi piedalās bērna audzināšanā un bieži vien krietni atsver nepilnības, kas varētu piemist miesīgo vecāku audzināšanas spējām.

Lielākie ģimenes godi latviešu tradīcijās ir kāzas, par kurām ir nesalīdzināmi vairāk tautas dziesmu kā par jebkuru citu tematu. Divu jaunu cilvēku mūža derības Latvju Dainās veido plaša vēriena episku vēstījumu, kas sākas ar puiša un meitas

izjusto gatavību precību gaitām un turpinās ar raibu piedzīvōjumu sēriju, kam tikai atkāzas veido pēdējo posmu. Tiešās kāzu rituāla detaļas nemītīgi mainījušās vēstures gaitā un bijušas arī katrai vietai un novadam atšķirīgas. Savā laikā līgava zagta, savā laikā pirkta, tikai vēlākos laikos saderēta. Kāzām kopumā tomēr samanāms kopējs kodols, kam tradīcija uzpotējusi saglabātus elementus no dažādiem slāņiem. Tā iznāk, ka ikkatrās kāzās no jauna tiek iedzīvināti vissenākie cilvēces arhetipi un aktualizētas top atbalsis no neskaitāmām priekšgājēju paaudzēm. Bez tam cilvēku kāzām kā modelis dievišķā plāksnē stāv latviešu Saules mīta debesu kāzas starp Saules meitām un Dieva dēliem. Tās kāzu rituālam piešķir īpašu pacilātību un eksaltāciju, kur līgava, uzmanības centrā nonākusi, uz brīdi pati it kā klūst Saules meita un līgavainis nonāk Dieva dēla lomā.

Family rituals and celebrations in Latvian folklore

Folklore is a repository of collective wisdom and ritual activities, accumulated throughout the historical development of a people. As living folklore can be fully experienced only in live performance, the task falls more and more to organized groups of folklore enthusiasts in our modern times. In traditional societies, the family was the main preserver and transmitter of tradition. There was always someone around who knew just what needed to be done, how and why, in every circumstance (be it ordinary or festive), according to the dictates of local tradition. One of the major roles for the family was to mark the rites of passage of its every member, to recognize important stations in every life with appropriate communal celebrations.

According to Latvian folk traditions, the child enters into this material world through «the gates of Māra», the ancient goddess of fertility, to be received in sheets of white linen by its mother. Ideally, the child has been expected not just by his mother and father, but by the whole extended family. They have been awaiting eagerly the news that there is a «new relative» among the clan. Near-by neighbours have been watching for the tell-tale sign of smoke from the bath-house, some with the quiet hope: «If God wills it, if Laima decrees so, there comes a God-child for me» (i.e. I shall be asked to be godmother or godfather).

Each new birth is a revelation of the mystery of the incarnation. A spirit is made flesh and comes to dwell among us for a time. That is why giving birth is surrounded by awe and reverence. It happens in the bath-house — clean and quiet place, removed from the hustle and bustle of daily activities, dedicated to the goddesses Māra and Laima. The expectant mother is supported emotionally and physically by a midwife, her own mother and other mature women. They participate in a series of rituals and ensure that all is done as custom teaches and tradition decrees. The first major family feast for the newborn will be its christening, when the child is given a name and is formally received into the extended family. Long ago, that was a crucial test, for the gathered clan might have refused to accept the burden of a defective or crippled child. In later times, every new life was accepted, and the songs and rituals focused on one central thought — to bestow on the child every good wish they could muster. Every gesture, every movement, every song and every word took on magical significance and was aimed at bringing the christening child luck, health, wealth and every conceivable blessing.

The christening ritual transforms the child from an anonymous baby, a «little doll», into an individual with a personal name: «We left home with dolly, We return home with Johnny». The christening guests invent lengthy and elaborate procedures, they joke and play-act and make every effort to impart drama to the occasion, making it into a memorable happening for the family circle. This is their way of saying that the

occasion is special, that the new child is special, and that the whole ceremony is a way for the family to honour its new member. «Rock me, mother, cuddle me mother, I'm a child of no small importance: Well-born am I, well-connected am I, Offspring of an honest mother».

All the skills necessary to a full-fledged member of society will be taught to the child right within the family circle. Language is an early skill, fostered by the cradle-songs which a young mother sings to her baby. Mothers are especially responsible for the training of their daughters, while fathers answer for the upbringing of their sons. Yet all the while, each child is surrounded by members of extended family, and a large rural household living under the same roof. All adults participate in the upbringing of children, thus balancing out any deficiencies in the natural parent's character or abilities.

Weddings constitute by far the most important family celebration within Latvian traditions and the number of folksongs (Dainas) on this theme is immense. The joining together of two young lives, as described in the Dainas, forms a narrative of truly epic proportions, which starts with the perceived readiness of a young man to go looking for a wife, or the young girl's working on her dowry, and concludes with a small «re-celebration» a week after the wedding proper. The actual details of the ritual have been evolving throughout history, and each region also developed its own local customs. There was a time when a bride was stolen, there was a time when the bride was bartered for a bride-price, there was a time when a mutual contract was drawn. Layers of elements from every historical period were slowly grafted unto a common stock. As a result, every wedding came to embody ancient archetypes reaching back to remotest antiquity, preserving echoes of the experiences of innumerable preceding generations. Furthermore, any human wedding here on earth had as its Cosmic analogue and model the celestial wedding between the Daughter of the Sun and the Son of God, recounted in the Latvia Sun-myth. This conferred on the ritual a special sense of exaltation, each bride becoming, for a moment, a Daughter of the Sun, each groom becoming, in turn, a Son of God.

At a wedding feast two clans come together to eat, drink, sing, dance and make merry for days and nights on end, first at the homestead of the bride, then, with much pomp and circumstance, removing bride and dowry to her husband's home. Marriage marks the zenith of a life, the apogee of strength and beauty, when one becomes ready to fulfill one's biological destiny. Male and female as opposite polarities unite to form a third, «neutral» point — the child. Marriage is the manifestation, on the social plane, of the mystical Law of the Triangle. The creation of a new family ensures the survival of the clan or tribe, it forges the last link in a chain of continuity which stretches back through the mists of time to the very origins of humanity. Through the conjunction of the sexes, marriage also unites two genetically distinct lineages into a new unit; it grows a new branch on the vast tree of kinship and consanguinity relations. «By the law of God, by the decree of Laima, Two strangers met, And spent a happy life together». Laima, the goddess of Fate, was the one to decree what kind of partner one would find, what kind of life one was to lead. That is why Laima is

Kāzās divas radu ģintis sanāca kopā, ēda, dzēra, dejoja, dziedāja un svinēja dienām un naktīm vispirms līgavas tēva mājas, pēc tam tautu dēla sētā, uz kurieni ar lielām izdarībām aizveda līgavu ar visu pūru. Kāzas iezīmē cilvēka mūža zenītu, kad, sasniedzis spēka un skaistuma kalngalus, viņš ir gatavs savas bioloģiskās sūtības izpildīšanai. Dzimuma pretpoli — sievišķīgais ar vīrišķīgo — apvienojas jaunā sabiedriskā vienībā, kas drīz pēc tam radīs jaunu, it kā «neitrālu» trešo locekli — bērnu. Tā ģimene sabiedriskā plāksnē iemieso mistiskās trejdības principu. Jaunu ģimeni nodibinot, tiek nodrošināta ģints saglabāšana nākotnē, tiek piekalts pēdējais posms dzīvības turpinātības lēdei, kuras sākums sniedzas atpakaļ tautas un cilvēces pirmsākumu miglā. Vedībās, apvienojot dzimuma pretpolus vienā jaunā vienībā, apvienojās arī divas ģenētiski

svešas dzimtas, lai radītu pavism jaunu sazarojumu cilts radniecību daudzzarainajā kokā: «Dieviņ, tavu likumiņu, Laimiņ, tavu lēmumiņu: Svešs ar svešu satikās, Miļu mūžu nodzīvoja.» Virs vai sieva katram bija nolemts «par Laimītes likumiņu», un Laima arī nolika vai nu vieglu, vai grūtu mūžu. Tamdēļ Laimu visi miļi lūdza ik uz soļa gan precību, gan vedību laikā: «Tec, Laimīte, tu pa priekšu, Es tavāsi pēdiņā!» Lielu daļu no kāzu godiem aizņem dažādas izdarības, kas emocionālās distances sajūtu līdz šim svešo dzimtu starpā īpaši izcel un pat pārspilē līdz galējībai, kā tas ir ar dziesmu karu vedēju un panāksnieku starpā, ar daudzajām nešpetnajām apdziedāšanās dziesmām. Rituālā, publiskā kontekstā tādā veidā notiek negatīvu jūtu «izvēdināšana» un katarse, kuras noslēgumā abas puses svinīgi salīgst mieru. Tad vēlāk, ikdienā atgriežoties, būs vieglāk jauno situāciju uztvert no pozitīvās puses.

Tautās aizejot, smagākais pārdzīvojums ir tautu meitai. Tamdēļ kāzu rituāls vedina līgavu pārraut psiholoģiskās saites ar tēva mājām, kur viņa pavadijusi savas «vieglajas, zīlotas dienas» mātes paspārnē, brāļu aizsardzībā. Sievas kārtā pārejot, līgavai jāatvadās no savas bērnības mājām un visiem tuviniekiem. Tautu sētā viņu sagaida sievas un mātes smagie pienākumi, padotība vīra mātes autoritātei un vīrs, ar kuru Laima būs lēmusi vai nu labu, vai sliktu dzīvošanu. Ne velti meitas radiniekim jāpamudina: «Taisies, mana māsīna, Aun balti kājīnas, Pilla sēta svešu ļaužu, Vedīs teve projāma.» Uz katru atvadu soli līgavai palīdz kāds no tuviniekiem, kamēr kāzu draudze visapkārt kā grieķu koris antīkā teātrī ar vārdiem, dziesmām, kustībām veido rituālo notikumu secību un reizē komentē un izskaidro notiekošā jēgu un nozīmi.

Bēres ir pēdējie no mūža godiem, kas atzīmē lielo pāreju no šīs saules uz viņu sauli, no pazīstamās, vieliskās pasaules uz nezināmo veļu valsti. Te atkal visai radu saimei jābūt klāt, lai mirušo izvadītu uz kapsētu, lai pavadītu viņu pēdējā gaitā: «Pilla sēta sirmu zirgu, Pilla baltu kamaniņu: Dēli, meitas sabraukuši, Vedīs mani kalniņā.»

Bērēs pulcējas ne tikai asins radi un ģimenē ieprecētie, bet arī draugi — visi mūža gaitā iegūtie garīgie radinieki. Palicēji sanāk kopā, lai dotu aizgājējam pēdējo godu, lai atvadītos, lai atcerētos, lai aizgājēju daudzinātu. Bēru saimes klātiene sniedz mierinājumu palicējiem, palīdz pārdzīvot zaudējuma, šķiršanās, dažkārt pat izmisuma sāpes. Visiem liecinot par aizgājēja lomu viņu dzīvē, izceļot mirušā devumu saviem līdzcilvēkiem, atklājas viņa nodzīvotā mūža jēga un vērtība.

Kapsētā ģints sava locekļa augumu atdod Zemes mātes klēpim.

constantly evoked throughout the wedding and courting period: «Please, Laima, lead the way, I shall follow in Thy footsteps». A significant portion of the lengthy Latvian wedding ceremonies is taken up by words and deeds which emphasize the lack of emotional closeness between the new in-laws. This is played up and brought to a paroxysm in the so-called song war, where blood relatives of the bride and groom each praise their own sister or brother to the skies, while mocking and denigrating the «other sides» in unsparing and outrageous hyperbole. This allows for an emotional catharsis, where both sides make ritual peace in the end, hopefully better prepared to treat their new in-laws with more acceptance.

The traditional Latvian wedding rituals pay particular attention to the emotional needs of the bride, who has to separate from her mother and family and sever her ties with the sheltered life of her childhood home. In her husband's household, she will have to assume the heavy responsibilities of wife and mother, while submitted to her mother-in-law's authority, and her life with her new husband may or may not be happy. That is why, at every step of her leave-taking, she is ceremonially assisted by her relatives and allowed to give full vent to her feelings. Even as she lingers, they urge her on: «The yard is full of strangers, About to take you away». All around, the whole wedding party, like the Chorus in ancient Greek plays, helps to move the ritual forward with action, gesture and song, echoing and commenting its meaning all the while. The last of the major family ritual celebrations is the funeral, which marks the transition from this world to the next, from the known of this life to the unknown «world of Shades». The whole extended family assembles again to accompany the departed in this final voyage, which ends at the cemetery: «The yard is full of grey horses, It is full of forged sleighs, My sons and daughters have gathered To bring me to the [sandy] hill».

The funeral feast gathers not just one's actual relatives but also all those who have become one's spiritual relatives over the span of a life. This is the last honour to be rendered to a person, a time for memories, for good-byes, for eulogies. The funeral guests, through their presence, offer consolation to the grieving relatives. Testifying to the role the departed has played in their own lives, they confer meaning on his or her contribution. It is an affirmation that this person's life made a difference, that it was not lived in vain.

At the cemetery, the clan relinquishes the body of the deceased into the lap of Mother Earth. «The gates of the earth are closing, The lock of the earth falls shut, Under the earth shall I be sleeping As long as the sun is in the sky». Mother Earth receives the dead in her sheets of white sand, just like the human mother received the baby in sheets of white linen. The beginning and the end have come full circle for yet another human life. The family takes leave with the consolation: «Sleep, sleep, dear brother, What cares could now wake you? Morning frost won't harm you, Nor the cold northern winds». Back at the homestead, the guests «stamp out the steps» of the departed in a ritual dance, to prevent his astral body from returning to its accustomed paths. The river of life must flow ever onward.

As in the traditions of many peoples, the course of a human life was perceived as ordered by the same Cosmic laws that apply

to every other aspect of existence. Law and Justice, as embodied in social institutions, are but the reflection of a higher Cosmic order, the understanding of which endows with meaning the form and content of each human journey. The family, through the celebration of feasts and rituals, becomes the main interpreter of this higher order. Within the family framework, the individual is provided an immortal script for the same eternal roles that have been played since the beginnings of humanity. These are not merely passive, but defined through relationships of mutual reciprocity. Mother defines the role of Child, but Child also defines the role of Mother. Husband and Wife define each other in the mutuality of the married state. At the same time, the precise manner in which each individual interprets a given role reveals the unrepeatable uniqueness of each personality. No one has ever been nor ever shall be precisely thus and so. Yet even as the individual departs this world, the clan and the tribe continues, the nation, and humanity as a whole, goes on. The human spirit endures, enshrined in traditions which, over the centuries, have lovingly preserved the traces of all those who have passed this way before.

Vaira Viķe-Freiberga,
Ph.D., LL.D., F.R.S.C.
Professor of Psychology,
University of Montreal,
Canada

«Aizverās zemes vārti, Aizkrīt zemes atslēdziņš», Gulēt man zem zemītes, Kamēr saule debesīs». Zemes māte saņem mirušo baltu smilšu palagos, gluži kā miesīgā māte jaundzimušo saņēma baltos linu palagos. Gals un sākums noslēdzas atkal viena mūža lokam. Radi atvadās no aizgājēja ar mierinājumu, ka viņsaulē viņam vairs nebūs jācīeš šīs saules grūtumi un bēdas: «Dusi, dusi, mūs' brālīti! Kas kait tevim nedusēt? Nekait tevim rīta salna, Ne ziemeļa auksti vēji.» No kapsētas mājās pārbraukuši, bērinieki izmin aizgājēja pēdas, lai viņš nenāk vairs atpakaļ dzīvajo vidū. Dzīvības straumei jāplūst uz priekšu.

Kā redzams dažādu tautu tradīcijās, cilvēka mūža gaitas iekļaujas vispārējā kosmiskā likumībā, kur katrai norisei un katrai sastāvdaļai ir sava nolikta vieta. Sabiedrībā iemiesotā taisnība un kārtība ir augstākās Visuma likumības atspulgs, kuras izpratne palīdz piešķirt formu, saturu un jēgu cilvēka dzīves gaitai. Caur ģimenes godu svinēšanu ģimenē pārnestā tradīcija palīdz tulkot pasaules augstāko likumību. Ģimenes vide individuālām uzliek spēlēt tās pašas mūžīgās lomas, kas kopš cilvēces pirmsākumiem ir spēlētas. Bet tās ir abpusējas, savstarpējas attiecības, kur individuāls tikpat daudz dod, cik saņem. Māte definē bērna, bērns — mātes lomu. Vīrs un sieva sevi abpusēji definē laulības mijiedarbē. Tai pašā laikā veids, kurā katrs individuāls spēlē savu sabiedrības pieļauto lomu repertuāru, palīdz arī atklāties individuālai vienreizībai un neatkarīgajam ībai. Neviens cits tieši tāds nekad nav bijis un nekad arī vairs nebūs. Tikai dzimta un ģints turpināsies, tikai tauta un cilvēce dzīvos tālāk. Arī tautas gars un tradīcija dzīvos tālāk, nesot sev līdzi visu to mūžu pēdas, kas savā laikā to pašu dzīves ceļu nostāigājuši.

Vaira Viķe-Freiberga,
psiholoģijas profesore
Monreālas universitātē Kanādā

Семья и семейные торжества в традициях латышского народа

Фольклор хранит совокупность опыта и ритуалов, которые любой народ накопил за время своего исторического развития. Живой фольклор, проявляющийся только в действии и взаимодействии живых людей, в наши дни бережно переносят особые группы энтузиастов фольклора. В древности главными хранителями и носителями фольклора были семья и родственники, знаяшие, что, как и когда надо делать в будни и в праздники, согласно опыту и обычаям своего народа. Именно семья заботилась о том, чтобы для каждого ее члена были достойно отмечены и отпразднованы все важнейшие моменты жизни — вековые почести.

Согласно традициям латышского народа, человеческое дитя появляется в наш величественный мир через «Ворота Мары», и его принимает в белые льняные простыни собственная мать. Если ребенку повезло, его появление ожидают не только отец с матерью, но и весь род. Родственники с волнением ждут радостной вести о новом пополнении в роде; соседи наблюдают, не затопят ли баню в необычное время, кое-кто со скрытой надеждой: «Если Бог даст, Лайма прикажет, там у меня будет крестник!» В рождении ребенка открывается таинство возникновения новой жизни. Вновь дух воплощается в тело и на време-

поселяется среди нас. Поэтому момент рождения пронизан атмосферой уважения и священной торжественности. Это происходит в баньке — чистом, тихом месте, вдали от будничной суетолики, при благословении Мары и Лаймы — но не в одиночестве. Рядом с роженицей находятся ее мать, повитуха, родственницы, помогающие и словом, и делом. Они следят, чтобы роды и смотрины сопровождались соответствующими ритуалами.

Одним из самых больших торжеств в жизни являются крестины, когда ребенок получает имя и торжественно принимается в свой род. В древние, далекие

времена это был критический момент, потому что род мог решить и не оставлять калеку или слабого ребенка. Позднее этот обычай исчез, и песни и ритуалы были посвящены главной, центральной теме — наградить новую жизнь пожеланиями добра, какими только возможно. Каждое движение, каждый жест, каждая песня приобретали магическое значение. Все надо было делать так, чтобы приносить счастье, здоровье, благословение и богатство растущему ребенку.

В ритуале крещения ребенок из анонимного младенца — «куколки» — становится личностью со своим именем: «Куколку отвезли, Яниса привезли». Кумовья вытворяют различные проделки, «играют театр», шутят — создавая импровизированную драму, в которой участвовать может каждый. Это действие создает праздничную обстановку, по возможности отличающуюся от серости повседневной жизни, чтобы выделить принятие ребенка в род как неповторимое и запоминающееся событие, чтобы подчеркнуть незаменимую индивидуальную ценность новорожденного.

Семья буквально отдает почести, принимая нового члена в свою среду: «Качай мама, няньчи мама, не простым ребенком был: От хорошей родни, от добрых людей, от честной матушки».

Ребенок, подрастая в кругу семьи, постепенно овладевает всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы человек мог стать полноценным членом общества, включая язык, который ребенок начинает осваивать уже с первых колыбельных песен, пропетых материю. Позже воспитанием дочери занимается мать, а сына — отец. Но все время ребенок окружен не только ближайшими членами семьи, но и всеми домочадцами сельской усадьбы. Они все участвуют в воспитании ребенка и очень часто помогают устранить недостатки воспитания, допускаемые родителями ребенка.

Самым большим семейным торжеством в латышских традициях является свадьба, про которую, наверно, сложено намного больше народных песен, чем на любую другую тему. Бракосочетание двух молодых людей в народных песнях создает эпическое повествование широкого размаха, которое начинается с осознания готовности парня и девушки к бракосочетанию и продолжается серией пестрых приключений, последним звеном которой является свадьба. Непосредственные детали свадебного ритуала со временем менялись, существовали также различия, характерные для каждого места и края. В свое время невесту крали, в свое время покупали, и только в более поздние времена — сватали. Но в целом свадьба во все времена имела общую основу, на которую традиция привила элементы разных временных слоев. Так получается, что на каждой свадьбе ожидают самые древние ритуалы человечества и актуализируется опыт неисчислимых поколений предшественников. Кроме того, моделью для свадьбы людей служит божественная небесная свадьба дочерей Солнца и сыновей Бога из латышского «Мифа Солнца». Это придает свадебному ритуалу особую воззвщенность и экзальтацию; невеста, попадая в центр всеобщего внимания, на миг как бы сама становится дочерью Солнца, а жених играет роль сына Бога.

На свадьбе два рода совместно ели, пили,

танцевали, пели и праздновали целыми сутками, сначала в доме невесты, потом в доме жениха, куда с разными проделками доставляли невесту со всем приданным. Свадьба означает зенит в судьбе человека, когда он, достигнув вершины сил и красоты, готов к осуществлению своей биологической миссии. Два половых начала — мужское и женское — объединяются в новую общественную единицу, которая вскоре после этого создаст нового, как будто нейтрального третьего члена — ребенка. Так семья в общественном разрезе воплощает принцип мистического триединства. Создание новой семьи обеспечивает будущее рода, приковывает последнее звено к цепи продолжения жизни, истоки которой далеко во мгле начал народа и человечества. На свадьбе, объединяя два противоположных пола в одну новую единицу объединяются также два генетически разных рода, чтобы создать совсем новое ответвление на ветвистом дереве племенного рода: «Твой закон, Бог, Твое решение, Лайма: Чужой с чужою встретились, счастливо век прожили». Муж и жена друг другу были предназначены Лаймой. И Лайма определяла: легкой или трудной быть судьбе. Поэтому на каждом шагу, и во время сватовства, и во время свадьбы, все просили Лайму: «Иди, Лайма, ты вперед, я за тобою следом». Большую часть свадебного торжества занимают разные проделки, которые особо выделяют и преувеличивают до крайности чувство эмоциональной дистанции между чужими родами — ведется «песенное сражение» с острыми песнями высмеивания. Таким образом, в ритуальном, публичном контексте проявляются «негативные» чувства и наступает катарсис, после чего обе стороны торжественно примиряются. Позже, встречаясь ежедневно, они будут легче воспринимать новую ситуацию.

Замужество — самое большое переживание для девушки. Поэтому свадебный ритуал подталкивает невесту к разрыву психологических связей с отчим домом, где она жила легкой, безбедной жизнью под покровительством матери, под защитой братьев. Выходя замуж, невеста должна проститься с домом своего детства и всеми родными. В доме мужа ее ждут тяжелые обязанности жены и матери, подчинение авторитету свекрови, мужа, с которым, согласно решению Лаймы, будет хорошая, а может — плохая жизнь. Не зря родственники невесты должны потрапливать ее: «Собирайся, моя сестричка, Обуй белы ножки. Полон двор чужих людей, Увезут тебя отсюда». На каждом прощальном шагу невесте помогает кто-то из родственников, а свадебные гости тем временем, как греческий хор в античном театре, словами, песнями, движениями одновременно образуют ритуальное течение событий, комментируют и объясняют смысл и значение происходящего.

Похороны — это последнее из торжеств жизни, которое обозначает переход из этого мира в другой, из знакомого — материального мира в неизвестный мир духов. Тут тоже нужно присутствие всей родни, чтобы проводить умершего на кладбище, проводить его в последний путь: «Полон двор седых лошадей, Полон расписных саней: Понаехали сыновья и дочери, Повезут меня на кладбище». На похоронах собираются на только кровные родственники и вошедшие в

семью, но и друзья — все духовные родственники, приобретенные при жизни. Оставшиеся собираются, чтобы отдать умершему последние почести, чтобы проститься, чтобы помянуть, чтобы сказать доброе слово об умершем. Присутствие на похоронах гостей дает успокоение оставшимся родственникам, помогает пережить боль, иногда даже отчаяние потерпевших, разлуки. Все свидетельствуют о роли умершего в их жизни, становится ясно, что он жил не напрасно. Оценивается вклад ушедшего в жизнь его сограждан, открывается смысл и ценность прожитой им жизни.

На кладбище род отдает тело своего родственника Матери Земле: «Закрылись ворота земли, Захлопнулся замок земли, Лежать мне под землей, Пока солнце на небесах.» Мать Земля принимает умершего в белые песчаные простины так же, как мать принимала новорожденного в белые льняные простины. Пройден еще один круг жизни. Родственники прощаются с ушедшим, утешая его, что на том свете ему уже не придется переносить трудности и беды этого мира: «Спи, спи, братец наш, А что тебе не спать: Не страшны тебе ни утренние заморозки, Ни северный холодный ветер.» Возвращаясь с кладбища, гости затаптывают следы умершего, чтобы он уже не возвращался. Течение жизни должно продолжаться. Как видно из традиций многих народов, человеческая судьба включается во всеобщую космическую закономерность, где каждое событие и каждая составная часть имеют свое место. Справедливость и порядок, воплощенные в обществе, — это отблеск высшей законности Вселенной, понимание которой помогает придать форму, содержание и смысл человеческой жизни. Проведение семейных торжеств, традиции, перенесенная в семью, помогают понять высшую мировую законность. Среда семьи заставляет индивидуума играть те же вечные роли, которые игрались с начала человечества. Но это обоядные отношения, где индивидуум столько же дает, сколько получает взамен. Мать определяет роль ребенка, ребенка — матери. Муж и жена взаимно дефинируют друг друга во взаимодействии в браке. В то же время способ, которым каждый индивидуум разыгрывает репертуар ролей, разрешенный ему обществом, помогает также открыться его индивидуальной неповторимости и исключительности. Другого такого никогда не было и никогда больше не будет. Только семья и род будут продолжаться, только народ и человечество будут жить дальше. Дух народа и традиция будут жить дальше, неся с собой следы всех жизней, прожитых теми, кто в свое время прошел тот же самый путь.

Вайра Вике-Фрейберга,
профессор психологии,
Монреальский университет,
Канада

Gimene un gimenes godi lietuviešu tautas tradīcijās

ADSIMTIEM ilgi Baltijas jūras krastā par savu eksistenci cīnās Baltijas tautas, kuras līdz pat mūsdienām saglabājušas savu etnisko pašapziņu, valodu, savdabīgo kultūru. Kur gan slēpjelas baltiešu sīkstums? Varbūt, tā ir no paaudzes paaudzē ģenētiski pārmantotā milestība pret dzimto zemi, ģimeni, senču tradīcijām?

Pat visgrūtākajos laikos galvenā mūsu tautas nacionālās identitātes glabātāja allaž bijusi ģimene. Jau no mazām dienām tā radināja bērnus pie darba, kas ir būtiska lietuviešu nacionālās tradicionālās kultūras iezīme. Lauku ģimenēs nepazina bērnu kultu. Slinkošana, tāpat kā zagšana, skaitījās liels grēks. Cilvēku augstu vērtēja, ja viņš prata labi strādāt. Sliņķi turpretim izpelnījās vispārēju nicināšanu: viņus pat nepieņēma kopīgos lauku darbos. Izvēloties sievu, galveno vērību piegrieza viņas čaklumam, nevis skaistumam. Tautā mēdza teikt: «No skaistuma paēdis nebūsi.» Arī visgrūtākais darbs mūsu senčiem nebija par nastu, jo «kāds darbs, tāda alga».

Topošā māte vienmēr sargājās, kaut nejauši nepaņemtu kaut ko svešu, lai bērns neizaugtu par zagli. Vecāki bērniem aizliedza paņemt ābolu svešā dārzā, pat lasīt riekstus ceļmalā. Tautas gudrība mācīja: «Ko jaunībā sēsi, to vecumdiņas pļausi», bet par zagšanu: «Sāksi ar adatiņu, beigsi ar sivēnu.» Audzinošais princips šai ziņā ir vienkāršs — Dievs redz visu un par pārkāpumiem soda. Mūsu tradicionālajā tautas kultūrā, īpaši audzināšanas sistēmā, tikpat bieži sastopams arī aizlieguma princips, jo neizbēgama soda apziņa attur cilvēkus no ļauna.

Attiecības starp bērniem un vecākiem, citiem kopienas locekļiem, attieksmi pret darbu, cieņu pret mirušajiem noteica prasība: «Tev būs savu tēvu un māti godāt!» No šī Dieva baušļa izriet ne vien nepieciešamība izrādīt cieņu vecākiem, bet arī ikvienam gados vecākam cilvēkam, pasniegt trūkumcietējam žēlastības dāvanu, uzmanīgi un godbijīgi izturēties kapsētā kā no mums aizgājušo cilvēku mūža mājā. Mūsu vecvecāki neatlāvās aiznest no kapsētas pat zemenīti, jo tur viss pieder mirušajiem.

Tautas etiķeti nosaka cieņa pret vecākiem. Sastopot svešinieku, nedrīkstēja paiet viņam garām nesasveicinoties, strādājošajiem laukā, ganiņiem vajadzēja pateikt tradicionālo: «Dievs palīdz!» Visiem zināmā mūžsenā prasība «Tev nebūs nokaut» liek cienīt visu dzīvo. Tautas audzināšanas sistēmā daudz kas saknojas animistiskajā un panteistiskajā dabas uztverē. Tāds skatījums uz pasauli neļāva sist, iznīcināt, mocīt dzīvniekus, augus, putnus, pat vissīkākos kukainiņus, jo viņi, tāpat kā cilvēki, arī jūt sāpes. Tam, kurš dara pāri dabai, Dievs vienmēr atmaksās. Nedrīkstēja piesārņot, spārdīt, apspļaudīt zemi, uguni, ūdeni, nedrīkstēja rādīt ar pirkstu uz debess ķermeņiem, jo tas būtu tikpat kā mātei un Dievam ar pirkstu acī bakstīt.

Family rituals and celebrations in Lithuanian folklore

Pirms lauku darbu uzsākšanas cilvēki zemi skūpstīja un svētīja ar krusta zīmi, kā upuri nolika zemē sālsmaizi.

Visi, kas agrāk rakstījuši par lietuviešiem, uzsvēra lietuviešu meiteņu pieticību, vīriešu savaldību, cēlsirdīgās jauniešu savstarpējās attiecības darbā un dažādos godos. Par sirsnīgajām attiecībām tradicionālajā lietuviešu ģimenē liecina daudzie mīlvārdiņi dziesmās, kāzu rituālos, bēru dziesmās un vaimanāšanā. Lietuviešu folklorā neatrast par tēvu vai māti sacītus rupjus, necienīgus vārdus.

Senajos Lietuvas ciemos ģimenes tikās gan ikdienā, gan svētkos, palīdzot cita citai novākt sienu, labību, linus, jaunieši pa vakariem pulcējās vakarešanās, kuru laikā plūca spalvas spilveniem un pēļiem, vērpa, auda jostas utt. Tur viņi iepazinās ar tautas kultūras bagātībām, dziedāja dziesmas, dejoja, gāja dažādās rotaļās.

Savā nāves stundā lietuvietis saaicināja kaimiņus, bērnus un lūdza visiem piedošanu, deva svētību, izteica savu pēdējo vēlēšanos. Palīdzēt mirējam nodzīvot pēdējās dienas un stundas, apraudāt mirušo un aizvadīt pēdējā gaitā skaitījās svēts pienākums, tāpat uzmest viņa zārkam trīs saujas smilšu — kā mūžīga miera novēlējumu. Mirušo piemiņas vakari mēnesi un gadu pēc nāves ar lūgšanām un mielastu, ikgadējs aizlūgums par savas dzimtas mirušajiem Mirušo piemiņas dienā (2. novembrī), aizgājušo senču, arī to, kuru vārdus neviens vairs neatceras, dvēseļu aicināšana uz rituālo mielastu Ziemassvētku vakarā (24. decembrī), samierināšanās ar mirušajiem ikvienā ģimenē, viņiem par godu pasniedzot trūkumcietējiem žēlastības dāvanas lielajos gadskārtu svētkos — tas viss liecina par lietuviešu ciešajām saitēm ar saviem senčiem. To norāda arī rūpīgā kapu kopšana, sveciņu dedzināšana uz tuvinieku, Sibīrijas ledos bojā gājušo, par dzimteni kritušo kapiem. Tādējādi etniskā kultūra ar mīlestības simboliem saista dzīvos un mirušos vienā lielā ģimenē, kur dzīvo pienākums ir būt viņpasaulē aizgājušo darbu un piemiņas cienīgiem.

Acīmredzot ne velti jau IX gadsimtā Brēmenes Ādams dēvēja baltus par «*Homines humanissimi*»— viscilvēcīgākajiem cilvēkiem.

*Angele Višņauskaite,
vēstures zinātņu kandidāte*

For centuries on the shores of the Baltic sea the Baltic peoples still having retained their ethnical consciousness, language and distinctive culture struggle for existence. What is the source of the toughness of the Balts? Maybe, from generation to generation genetically reproduced love of the native land, family, language, traditions of the predecessors?

Even during the most difficult times for our nations the main sustainer of the national identity has been and remains the family. The traditional trait of the Lithuanian culture — diligence — was inculcated to children from their very early days. In rural families there was no cult of children. Laziness as well as stealing was considered a great sin. Man was appreciated for his skill of work. Idlers on the other hand deserved general contempt, they were even rejected by the community from the joint field work. The choice of wife was determined by a girl's diligence, not beauty. There was a saying that «beauty will not fill a man's stomach». Even the most difficult job was not looked upon as a burden by our predecessors because «you will reap the fruits of your own labour».

The mother-to-be was always careful not to take inadvertently something somebody else's, lest her child become a thief. Parents did not allow their children to take an apple in somebody else's garden, or to gather nuts on the roadside. According to people's pedagogics «your sins will always catch up to you».

On the beginnings of stealing it was said that «if you start with a molehill you will end up with a mountain».

The educational principle here is simple: God sees all and punishes evil deeds. In our traditional national culture, especially in the system of education, the principle of prohibition is as frequent, because the sense of inevitable punishment keeps people from evil.

The relations between children and parents, other members of the community, one's attitude towards nature, the worship of the dead was requested by God's commandment «Honour thy father and thy mother!». This commandment demands not only respect of parents, but of every elder, every poor man, demands to be charitable towards beggars, as well as attentive and respectful in the cemetery as a place of eternal rest for those who have passed away. Our great-grandfathers forbade to pick even a wild strawberry from the cemetery because there everything belongs to the dead.

People's etiquette is based on respect for man. One could not pass a stranger without greeting him, nor field workers, shepherds without the traditional «God help you!». The generally known «Thou shalt not kill!» — the eternal demand of respect 'uvarīs ali 'trivīg. 'In 'the people's educational system much was based on the animistic and pantheistic perception of nature. Such a disposition did not allow to beat, kill, torture animals, plants, birds, even the tiniest insects because they also feel pain the same way man does. Wrong inflicted on nature is always reciprocated in God's

punishment. It was not allowed to pollute the ground, fire, water, kick, spit at them, nor point with a finger towards celestial objects, because this would be the same as to poke one's mother or God with a finger in the eye.

Before the beginning of the field work man kissed the earth and blessed it with the sign of the cross, sacrificed bread and salt to it. In the past everyone who wrote about the Lithuanians stressed the modesty of the Lithuanian girls, the reserve of men, the noble relations of youngsters in their joint work and during all kinds of festivities. The cordial family relations in the traditional Lithuanian family are illustrated by numerous diminutives in songs, wedding speeches, burial songs and lamentations. In Lithuanian folklore you won't find rude, harsh words addressed to one's father or mother.

In ancient Lithuanian villages families associated on week-days as well as on holidays, helped each other during hay-mowing, reaping, flax-harvesting, youngsters gathered on evenings to tear feathers for cushions and feather beds, to spin, to weave belts, etc. It was here they became accustomed to their national culture: sang songs, danced, played all kinds of games.

On his death bed the Lithuanian summoned his neighbours, children and begged them forgiveness, blessed everyone, pronounced his last will. To help the sick man through his last days and hours, to lament his death and to attend the funeral was considered a sacred duty as well as to throw three handfuls of sand on the coffin as a wish of eternal peace. The funeral repasts a month and a year after the death with prayers and a feast, an annual remembrance of one's predecessors on the Day of Commemoration to the Dead (2 XI), the summons of their spirits, even the long forgotten ones, to the ritual supper on Christmas Eve (24 XII), reconciliation with the dead by giving alms on their behalf on the great holidays of the year — all this is the expression of the close relation of the Lithuanians with their predecessors. The same is illustrated by the cordial attitude towards the cemetery, candles burnt so often on the graves of one's relatives, as well as those returned home from the Siberian ice-fields, those having fallen for the independence of the native land. So by symbols of love our ethnical culture unites the living and the dead in a great family, in which the living must be worthy of the cause and memory of those who have entered another world.

Apparently Adam of Bremen living in the IX century was right to call the Balts «homines humanissimi» — the most humane people.

Angele Višnjauskaitė,
history doctorate

Семья и семейные торжества в традициях литовского народа

Веками у Балтийского моря за свое существование борются балтийские народы, по сей день сохранившие свое этническое самосознание, язык, самобытную культуру. В чем же жизнестойкость балтов? Может это генетически передаваемая из поколения в поколение любовь к родной земле, семье, языку, традициям предков?

Основной хранительницей национальной идентичности даже в самые трудные для нашего народа времена была и остается семья. Традиционная черта литовской культуры — трудолюбие — детям прививалось с малых лет. В деревенской семье не было культа ребенка. Лентяйство, так же как и кража, считалось большим грехом. Человека ценили за его умение работать. Лентяю же — всеобщее презрение: его даже на совместную работу в сельской общине не принимали. Выбор жены определялся ее трудолюбием, а не красотой. В народе говорилось: «Красотой борщ не заправишь». Для наших предков и самый тяжкий труд не был обузой, потому что «без труда нет добра». Будущая мать всегда остерегалась взять нена роком что-то чужое, дабы ребенок не стал вором. Родители детям не разрешали взять яблоко в чужом саду, даже собирать горох на обочине. Народная педагогика гласила: «К кому в молодости привыкнешь, то и в старости найдешь», а начало воровства — «с иголочки — до телочки». Принцип воспитания в этом смысле прост: Бог все видит и за злодеяния наказывает. В нашей традиционной народной культуре, особенно в системе воспитания, так же часто встречается и принцип запрета, потому что осознание неминуемой расплаты сдерживает человека от зла.

Отношения между детьми и родителями, другими членами общины, отношение к природе, поклонение умершим регулировалось требованием «Чти отца и мать своих!» Из этого закона Божьего следует не только уважение к родителям, но и к каждому старцу, бедняку, подаяние нищему, а также внимание и почтительное отношение к кладбищу как к месту вечного покоя ушедших от нас. Наши предки запрещали с кладбища уносить даже землянику, так как все там находящееся принадлежит умершим.

Народный этикет основывается на уважении человека. Нельзя было пройти мимо встречного незнакомца не поздоровавшись, нельзя пройти мимо работающих на поле, мимо пастушка, не сказав традиционного «Бог в помо́зь».

Общеизвестное «Не убий» — извечное требование уважения ко всему живому. В народной системе воспитания многое было основано на анимистическом и пантеистическом восприятии природы. Такое мироощущение не позволяло бить, истреблять, мучить животных, растения, птиц, даже малейших букашек, потому что и они чувствуют боль так же, как человек. Обида, нанесенная природе, всегда оборачивается Божьей карой к

самому обидчику. Не позволялось загрязнять, пинать ногами землю, огонь, воду, плевать на них, не разрешалось на небесные тела показывать пальцем, так как это было бы равнозначным, что матери или Богу ткнуть пальцем в глаз.

Перед началом полевых работ человек

землю целовал и благославлял ее знаком

креста, как жертвоприношение клал на

землю хлеб и соль.

Все, писавшие в прошлом о литовцах, подчеркивали скромность литовских девушек, сдержанность мужчин, благородные взаимоотношения среди молодежи на работе и на разных праздниках. Сердечные семейные отношения в литовской традиционной семье выражены множеством деминутивов в песнях, свадебных орациях, в погребальных плачах, причтаниях. В литовском фольклоре не найдете грубых, жестких слов, обращенных к отцу или матери.

В старой литовской деревне семья общалась и в будни, и в праздники, помогали друг другу на сенокосе, жатве, уборке льна, молодежь по вечерам собиралась на посиделки, во время которых драли перья для подушек и перины, пряла, ткала пояса и т.д. Здесь она приобщалась к национальной культуре: пела песни, танцевала, играла в разные народные игры.

В смертный час литовец созывал соседей, детей своих и просил у них прощения, благославлял всех, высказывал свою последнюю волю. Помочь больному прожить последние дни и часы, оплакать усопшего и проводить его в последний путь считалось святым долгом, также как и бросить три горсти земли на гроб — как пожелание вечного покоя. Поминки об умершем через месяц после смерти и годовщина смерти с молитвами и утешением, поминование всех умерших рода своего ежегодно в День поминования умерших (2 XI), приглашение душ усопших своих предков и душ тех, кого уже никто не помнит, на ритуальный ужин в Сочельник (24 XII) в каждой семье, умиротворение умерших подаваемой в их честь милостыней нищим по случаю больших годовых праздников — все это проявление тесной связи литовца со своими предками. Об этом же свидетельствует и заботливый уход за кладбищами, часто зажигаемые свечи на могилах близких, на могилах возвращенных с сибирской мерзлоты, погибших за независимость родной земли. Таким образом этническая культура символами любви соединяет живых и умерших своей нации в одну большую семью, в которой живые должны быть достойны дел и памяти ушедших в мир иной.

Видимо не зря еще в IX веке Адам из Бремена называл балтов «homines humanissimi» — самыми гуманными людьми.

Ангеле Вишняускайте,
кандидат исторических наук

Gimene un ķīmenes godi igauņu tautas tradīcijās

festivāla galvenā tēma ir Gimene. Īpaši tas izpaužas tautas dziesmās, kuras esot pavadījušas cilvēku no šūpuļa līdz kapam. To pašu var sacīt arī par mūsu kaimiņiem latviešiem un lietuviešiem. Šūpuļdziesmas un bērnu ucināmās dziesmas sniedza bērnam ne vien pirmo pieredzi par mākslu un mūziku, bet arī pirmos vienkāršos priekšstatus par dzīvi, par tās simbolisko ritmu, kas palīdzēja bērnam iekļauties apkārtējā pasaulē, saplūst ar šo lietu, dabas un cilvēku valstību.

Būtisks brīdis cilvēka dzīvē, īpaši sievietes dzīvē, ir precības. Tas nozīmē šķiršanos no tēva mājām, no ģimenes un draugiem, iekļaušanos vīra mājā, jaunā vidē, starp svešiniekim, kur viņai nācās iekārtot jaunu mājokli, veidot ģimeni; šeit beidzās viņas bezrūpīgais meitenes mūžs un aizsākās sabiedriski jauna loma — precētas sievietes dzīve ar visiem tās pienākumiem un atbildību. Senais kāzu rituāls bija nepieciešams līguma nostiprināšanai starp divām dzimtām un jaunlaulāto laimes nodrošināšanai. Precības bija ievērojams notikums ar simbolisku līgavas apraudāšanu, lai viņai turpmāk laimīgs mūžs, kā arī kopīga jautrība un izpriecāšanās, dziedāšana un dancošana.

Ja precības pēc satura bija rituāla pāreja no meitenes precētas sievietes kārtā, tad bēres arīdzan pildīja rituālas pārejas lomu. Bēru rituāls savienoja un nodrošināja pāreju no dzīvo pasaules mirušo pasaulē. Arī pēc nāves mirušā radiniekiem bija svarīga loma ģimenes dzīvē, kritiskos brīžos pie viņiem griezās pēc palīdzības, viņu svētība ietekmēja zemes dzīves kārtību. Senču kults ir seno reliģiju būtiska sastāvdaļa.

Taču folklorā ģimenes dzīve ir saistīta ne tikai ar rituāliem. Mātes mīlestība, ģimenes attiecības, bērnība tēva pajumtē, kā arī sievas dzīve vīra mājās ir neizsmēļamas tēmas neskaitāmajās liriskajās dziesmās un balādēs, kam nav sakara ar rituāliem. Pat vairāk, mātes tēls (vismaz pie dienvidgauņiem un latviešiem) paceļas virs ģimenes loka — garu un dievu sfērās, tas ir arī saistīts ar neskaitāmu elfu (dievu) vārdiem un personifikācijām. Pat vēlākos laikos, kad tautas ticība savījās ar kristiešu reliģiskajiem tēliem, igauņu sirdij vistuvākā izrādījās tieši Mūsu māte, Jaunava Marija, kura tautas tradīcijās saplūda ar seno mātes tēlu. Pateicoties ģeogrāfiskajam tuvumam, igauņu, latviešu un lietuviešu kultūrai un vēsturei ir daudz kopēja. Kā laimes brīžos, tā arī bēdās mēs uzskatām sevi par vienotu ģimeni. Pēdējos gados šī kopības sajūta ir pastiprinājusies. Tā devusi mums spēku folkloras festivālos un «Baltijas ceļā», kā arī dziesmās un dejās, un mūsu politiskajā cīņā. Lai tā nes mūs tālāk pretim brīvībai un neatkarībai. Un Dievs dod, ka šo festivālu mēs varētu nosvinēt brīvā valstī zem skaidrām debesīm Igaunijā, Latvijā un Lietuvā!

Ingrīda Ritela

Family rituals and celebrations in Estonian folklore

The basic theme of the present festival is FAMILY. It concerns especially folk songs, which are said to have accompanied man from the cradle to the grave. The same applies to our neighbours Latvians and Lithuanians as well. Lullabies and jigging songs enriched the child in addition to the first experiences of artistic world and music also with the first simple facts of life, with the symbolic rhythm of life which connected the child with the environment, helping him or her to step and merge into this world of things, nature and men. An essential phase in a man's life, and especially in a woman's life, is marriage. It meant departure from the paternal home, from the circle of family and friends, into the husband's home with new surroundings, amongst strangers, where she had to build a new home and family; here ended her carefree maidenhood and started a new social role — life of a married woman with all its duties and responsibilities. The substance of the whole ancient wedding ritual was focused on the reinforcement of the contract made by two kins and the safeguarding of wedded happiness. Wedding was a serious event which included a ritual lament in order to safeguard the future happiness of the bride, as well as merry-making and rejoicing together with music and dance.

While a wedding was in contents the transition ritual from maidenhood into the status of married woman, a funeral also had the role of a transition ritual. The funeral ritual connected the two worlds — both the earthborn and the beyond, signifying the transition from the realm of the living to the realm of the dead, as well as safeguarding the good relationship between those two. Even later on the deceased ancestors played an important role in family life; they were approached for help during the moments of crisis, their blessing contributed to the arrangement of the earthborn life. The cult of ancestors is an essential component of ancient religions.

But in folklore the family theme is connected not only with rituals. Maternal love, family relations, childhood under the paternal roof as well as womanhood in the husband's home are the continual themes of numerous lyric and epic songs which have no connections with rituals. Moreover, the maternal image rises (at least with South Estonians and Latvians) above the family circle: up to the sphere of spirits and gods, as it is connected with the names and personifications of numerous elves (resp. gods). Even when folk religion later inter-fused with Christian religious imagery, the nearest to the Estonian heart, for example, proved to be precisely Our Lady, the image of the Virgin Mary, who in the folk tradition fused with the ancient maternal image.

Due to the geographical neighbourhood the culture and history of the Estonians, Latvians and Lithuanians have a lot in common. In happiness as well as in distress we have considered us a united family. This feeling of being a united family has become

stronger during the recent years. It has supported us through the folklore festivals and the Baltic Chain, through our songs and dances as well as through our political fight. Let it carry us further on to freedom and independence. And God grant that we could feast the next «Baltica» festival together in a free country and under a clear sky in Estonia, Latvia as well as Lithuania!

Ingrid Rüütel

Семья и семейные торжества в традициях эстонского народа

Главной темой этого фестиваля является Семья. Особенno это проявляется в народных песнях, которые сопровождали человека от колыбели до могилы. То же самое можно сказать и про наших соседей латышей и литовцев. Колыбельные песни давали ребенку не только первые понятия об искусстве и музыке, но также первые упрощенные представления о жизни, о ее символическом ритме, который помогал ребенку включиться в окружающий мир, сливаясь с этим царством вещей, природы и людей.

Существенным моментом в жизни человека, особенно женщины, является замужество. Это означает расставание с отчим домом, с семьей и друзьями, вхождение в дом мужа, в новую незнакомую среду, где ей приходилось начинать все заново, создавать семейный очаг: этим кончалась ее беззаботная девичья судьба и начиналась новая общественная роль — замужней женщины со всеми ее обязанностями и ответственностью. Древний свадебный ритуал был необходим для закрепления договора между двумя родами и обеспечения счастья новобрачных. Свадьба была заметным событием: с символическим оплакиванием невесты, чтобы у нее была счастливая судьба, с общим весельем и развлечениями, пением и танцами.

Если свадьба по содержанию была ритуальным переходом из девичества в сослование замужней женщины, то похороны тоже выполняли роль ритуального перехода. Похоронный ритуал соединял и обеспечивал переход из мира живых в мир мертвых, согласие между ними. И после смерти умершие родственники играли важную роль в жизни семьи, в критические моменты к ним обращались за помощью, из благословение влияло на земные дела. Культ предков являлся существенной составной частью древних религий.

Но в фольклоре семейная жизнь связана не только с ритуалами. Любовь матери, семейные отношения, детство под отцовской крышей, как и жизнь жены в доме мужа, — это огромное множество тем для бесчисленных лирических песен и баллад, которые не имеют никакой связи с ритуалами. Более того: образ матери (по крайней мере у южных эстонцев и латышей) поднимается над семей-

ным кругом в сферы духов и богов. Это также связано с множеством имен и персонификацией эльфов (богов). Даже в более поздние времена, когда народная вера слилась с религиозными образами христианства, самой близкой к сердцу эстонца оказалась Наша Мать — Дева Мария, которая в традициях народа слилась с древним образом матери.

Благодаря географической близости культура и история эстонцев, латышей и литовцев имеет много общего. Как в минуту радости, так и в горе мы считаем себя единой семьей. В последние годы это чувство единства окрепло. Оно дало нам силы на фольклорные фестивали, на «Балтийский путь», на песни и танцы, на нашу политическую борьбу. Пусть оно ведет нас все дальше, навстречу свободе и независимости! И дай Бог, чтобы этот фестиваль мы могли праздновать в свободной стране, под ясным небом Эстонии, Латвии, Литвы.

Ингрид Рюйтэл

Festivāla viesi

F

olklorā kā daļa no cilvēces universālā mantojuma ir lielisks līdzeklis dažādu tautu un sociālo grupu kopāsanākšanai un viņu kulturālās identitātes apliecināšanai. Tradicionālās kultūras harmoniska attīstība nav iedomājama bez citu tautu pieredzes pārmantošanas un progresīvāko atziņu piemērošanas savai mentalitātei. Pamatojoties uz CIOFF izstrādātajiem ieteikumiem, šādu mērķi sev izvirzījusi arī Baltijas valstu folkloras asociācija «Baltica».

Šogad starptautiskajā folkloras festivālā «Baltica'91» esam aicinājuši savā pulkā kopas no sekojošām valstīm: ASV, Dānijas, Francijas, Gruzijas, Igaunijas, Indijas, Ālandu salām, Farēru salām, Īrijas, KPFSR, Lietuvas, Niderlandes, Norvēģijas, Polijas, Somijas, Ungārijas, Vācijas un Zviedrijas, kā arī latviešu ansambļus no Anglijas, ASV, KPFSR (Omskas apg.) un Vācijas.

Diemžēl politisku iemeslu dēļ festivāla «Baltica» sarīkošana pēdējos gados tikusi apgrūtināta. Brīdī, kad šī izdevuma materiāli jānodod tipogrāfijā salikšanai, ir atsaukušās grupas no Niderlandes un Ungārijas, kā arī latviešu kopas no viņu mītnes zemēm. Iepazīstinām jūs ar dažām no šīm folkloras kopām. Ceram festivālā «Baltica'91» sagaidīt visus uzaicinātos ciešķiņus!

Rīcības komiteja

Festival guests

Folklore as part of the universal heritage of mankind is a wonderful way for different nations and social groups to come together and attest their cultural identity. The harmonic development of traditional culture is unthinkable without making use of some experiences of other nations and the applying of their most progressive concepts to one's own mentality. Based on the suggestions of CIOFF, the Baltic folklore association «Baltica» has also adopted this aim. This year we have invited ensembles from many countries to participate in the international folklore festival «Baltica'91»: USA, Denmark, France, Georgia, Estonia, India, the Aland Islands, the Faero Islands, Ireland, Russia, Lithuania, the Netherlands, Norway, Poland, Finland, Hungary, Germany and Sweden, as well as Latvian ensembles from England, USA, Russia (District of Omsk) and Germany. Unfortunately, in the past years, the organization of the «Baltica» festivals has been hindered by the political situation in the Baltic states. As the materials of this pamphlet go to press, we have received positive responses from ensembles in the Netherlands and Hungary and Latvian groups in their respective countries. We introduce you to some of these ensembles. We hope that all those who have been invited will make it to «Baltica'91»!

Organizing Committee

Гости фестиваля

Фольклор как часть универсального наследства человечества — великолепное средство для объединения разных народов и социальных групп, для подтверждения их культурной идентичности. Гармоничное развитие традиционной культуры немыслимо без использования опыта других народов. Основываясь на рекомендациях CIOFF, эту цель поставила перед собой и фольклорная ассоциация Балтийских государств «Baltica».

В этом году на международный фольклорный фестиваль «Baltica'91» мы приглашали единомышленников из следующих стран: США, Дании, Франции, Грузии, Эстонии, Индии, Аланских островов, Фарерских островов, Ирландии, РСФСР, Литвы, Нидерландов, Норвегии, Польши, Финляндии, Венгрии, Германии и Швеции, а также латышские ансамбли из Англии, США, РСФСР (Омская область) и Германии.

Проведение фестиваля «Baltica» в последние годы, к сожалению, затруднено по политическим причинам. На момент передачи материалов этого издания в набор наши приглашения приняли группы из Нидерландов и Венгрии, а также зарубежные латышские ансамбли. Мы хотим познакомить вас с некоторыми из них. Надеемся встретить на фестивале «Baltica'91» всех приглашенных!

Распорядительный комитет

Igaunija

Obinitsas
tautas
mūzikas
koris

Mūsdienās tā ir netipiska parādība, ka folkloras kopas dalībnieki dziedāt un dejot iemācījušies mājās. Bez grāmatām un notīm reti ir iespējams izpildīt mūziku, kas sasniegusi mūs no tūkstoš gadu senas pagātnes. Taču Obinitsas tautas mūzikas koris no dienvidaustrumu Igaunijas ir tieši šāda veida retums un senās somugru mutvārdu kultūras turpinātājs. Kora dalībnieki pieder pie setu etniskās grupas un runā dienvidaustrumu Igaunijas dialektā, bet pēc ticības viņi pieder krievu pareizticīgo baznīcāi. Gadīsimtiem ilgās nošķirtības laikā viņi spējuši saglabāt daudz ko no savām senajām paražām, ieskaitot gimenes rituālus un ar šiem rituāliem saistītās tautasdziesmas tradicionālajā pantmērā. Katrā setu mājokļi mēs atradīsim pašrocīgi darinātās tautas tērus. Korī dzied sievas un meitas no Obinitsas ciema un tuvākās apkaimes. Dziedātājas vada vietējās bibliotēkas direktore Līdijs Sillaotsa. Saucēja Marija Tinisone (dz. 1912) un augšējās balss dziedātāja Marija Kala (dz. 1925) jaunībā dziedājušās lauku darbos, kā arī ciatmatnieku kāzās. Mūsdienās šīs senais mantojums ir kļuvis par jauku piemiņu, un šīs zināšanas un prasmi būtu jānodod pēctečiem — kaut vai folkloras festivālā.

Estonia

Obinitsa
Folk Choir

Nowadays it is not typical that the members of a folklore group have learned to sing and dance at home. It is seldom possible to perform the music that has reached us from the distance of thousand years without the help of either books or notes. But the Obinitsa folk choir who comes from South-East Estonia is precisely this kind of rarity and carries on the ancient verbal culture of the Finno-Ugrians.

The members of the choir belong to the Setu ethnic group. They speak the South-East Estonian dialect, but by confession they belong to the Russian Orthodox church. During centuries of isolation they have managed to preserve a lot of old customs, amongst them family rituals and folk songs in traditional verse which are connected with these rituals. In every Setu home one can find self-made folk costumes. In the Obinitsa folk choir have gathered women and girls from the village Obinitsa and its vicinity. The activities of the singers are arranged by the director of the local library Liidia Sillaots. The chanter Maria Tõnnisson (b. 1912) and the singer of the upper pitch Maria Kala (b. 1925) have in their youth sung during field work as well as at the village weddings. Today this ancestral heritage has become a beautiful memory and need to pass on the knowledge and skills to the descendants — even at a folklore festival.

Эстония

Хор народной музыки
Обинитса

В наши дни это нетипичное явление, если участники фольклорной группы петь и танцевать научились дома. Без книг и нот редко можно исполнять музыку, которая дошла до нас из тысячелетнего прошлого. Но хор народной музыки Обинитса из юго-восточной Эстонии — редкость как раз такого рода и продолжатель древней словесной культуры финно-угров. Участники хора принадлежат к этнической группе сету и говорят на диалекте юго-восточной Эстонии, но по вере они принадлежат к русской православной церкви. Во время векового отщельничества они сохранили многое из своих древних обычаяев, включая семейные ритуалы и народные песни в традиционном стихотворном размере, связанные с этими ритуалами. В каждом доме сету мы найдем народные костюмы собственного изготовления. В хоре народной музыки Обинитса поют женщины и девушки из села Обинитса и ближайшей окрестности. Певицами руководят директор местной библиотеки Лидия Силлаотс. Запевала Мария Тынисон (1912 г.р.) и обладательница высокого голоса Мария Кала (1925 г.р.) в молодости пели как на сельских работах, так на свадьбах селян. В наши дни эти древние песни стали прекрасным наследием, которое надо было передать потомкам — хотя бы во время фольклорного фестиваля.

Perepillu mūzikas kopa

Šī kopa nāk no Tartu. Tās dalībnieki pieder Raidsalu ģimenei, kurā muzicēšana bijusi cieņā jau daudzās paaudzēs. Pirms desmit gadiem, kad Kalles Raidsalu bērni paaugās un apguva notis, radās doma izveidot pašiem savu orķestri no dzimtas mūzikiem. Kaut gan kopas dalībnieki nav profesionāļi, viņi apguvuši visdažādakos instrumentus: tēvs Kalle spēlē gan moderno, gan tradicionālo akordeonu, māte Lea — mandolinu, meita Karmena — vijoli, meita Merili — moderno akordeonu, dēls Renē — tradicionālo akordeonu un velna bungas, meita Rēlika — vijoli un trissūri. Divi seni ģimenes draugi spēlē kontrabasu un kokli. Ģimenes orķestra mūzika sagādā prieku gan jauniem, gan veciem, viņus bieži aicina muzicēt kāzās, dzimšanas dienās un citos gados.

Perepill Family Music

This group comes from Tartu, the second biggest town in Estonia, situated in South Estonia. The members of the group belong to the Raidsalu Family. There have been musicians in this family for many generations. When the children in Kalle Raidsalu's family grew bigger and had already mastered the notes, the idea to form an orchestra of their own family consequently cropped up. Today this family group has played together for ten years already. The members of the group are not professional musicians but the variety of instruments is bountiful: father Kalle plays both the modern and traditional accordion, mother Lea plays the mandolin, daughter Karmen plays the fiddle, daughter Merili plays the modern accordion, son Renee plays the traditional accordion and bumbass, daughter Reelika plays the triangle and fiddle. Two longtime family friends play the double bass and kannel. Their music is enjoyable both to the young and to the old, they are often asked to entertain at weddings, birthday parties and anniversaries.

Группа музыкантов Перепилл

Эта группа создана в Тарту. Участники группы из семьи Райдсалу, в которой музыкой занимается уже многие поколения. Десять лет тому назад, когда дети Калле Райдсалу подросли и выучили ноты, появилась мысль создать свой оркестр из музыкантов рода. Хотя члены группы не профессионалы, они освоили самые разные инструменты: отец Калле играет и на современном, и на традиционном аккордеоне, мать Леа играет на мандолине, дочь Кармен играет на скрипке, дочь Мерили играет на современном аккордеоне, сын Рене играет на традиционном аккордеоне и бумбасе, дочь Релика играет на скрипке и на треугольнике. Два старых друга семьи играют на контрабасе и каннеле. Музыка семейного оркестра доставляет радость и молодым и старым; их часто приглашают играть на свадьбах, днях рождения и других торжествах.

Megises dzimtas folkloras kopa

Megises dzimtas saknes meklējamas Koses draudzē Harju rajonā (Ziemeļgaunijā). Dziedāšana, dejošana un ludzīpu spēlēšana šai dzimtā vienmēr bijusi cieņā. Agrākos laikos cilvēki mēdza sapulcēties dzimtas gados, kur tad gāja rotājās, dziedāja, dejoja. 1988. gadā tika izveidota dzimtas folkloras kopa, lai nu jau apzināti glābtu senās tradīcijas no aizmirstības. Šai folkloras kopā aktīvi darbojas ap 40 dalībnieku — dzimtas trīs paaudžu pārstāvji. Pēc vecvecmāmiņas Hildas Megises atmiņām tika uzvesta senlaicīgā spalvu plūcināšanas talka, kāzas, lauku sadzives ainīgas, senās dejas, rotājas un dziesmas. Pavadījumu dejotājiem spēlē dzimtas muzikanti. Līdztekus tradicionālijiem instrumentiem: akordeonam, ģīgai un kannelei (igauņu kokle) viņi spēlē arī mandolinu, ģitāru, mutes harmonikas, moderno akordeonu un flautu. Pa vasārām dzimta mēdz sapulcēties savās vecajās mājās Harju rajonā, kur bērni mācās strādāt ar senajiem saimniecības darbarīkiem, nelielā plavīnā iekārtotas šūpoles, netālājā mežīnā atrodas ziedojumu akmens un kletiņā karājas simtgadīgs šūpulis, kurā izaukļēta jau piektā ģimenes paaudze. Megises dzimtas folkloras grupu vada Airi Ritera, muzikantus — Tallinas mūzikas skolas pasniedzējs Arne Ritters.

Mägise Family Folklore group

Mägise Family has its roots in Kose parish, Harju District (North Estonia). This family has always been fond of singing, dancing and staging plays. Formerly people gathered during family reunions and anniversaries, where also old games, songs, dances and customs were recalled. In 1988 the family folklore group was founded in order to preserve old traditions. In this folklore group there are 40 members of the family, representatives of three generations. Plume treating of old times and old wedding customs are staged, village scenes, society dances, games and songs are recalled according to the recollections of great grandmother Hilda Mägise. The dances are accompanied by the family musicians. Beside the traditional accordion, psalmodicon and kannel (Estonian zither-like string instrument), also the mandolin, guitar, harmonica, modern accordion and flute are played. In summertime the family gathers in the old family farmstead at Harju District, where nowadays the children try to make use of old farmtools. There is a swing in the small pasture, a sacrificial stone in the nearby forest and a hundred year old cradle in the barn, where today the fifth generation is being rocked.

The Mägise Family Folklore Group is directed by Airi Rütter, the musicians are conducted by the Tallinn Music School instructor Arne Rütter.

Фольклорная группа рода Мегисе

Корни рода Мегисе следует искать в церковном приходе Коце в районе Харью (в северной Эстонии). В этом роду всегда любили петь, танцевать и разыгрывать театральные сценки. Раньше люди собирались на семейные торжества рода, там водили хороводы, пели и танцевали. В 1988 году была создана фольклорная группа рода, чтобы теперь уже осознанно сохранить и спасти древние традиции от забвения. В этой фольклорной группе около 40 активных участников, представители трех поколений рода. По воспоминаниям прабабушки Хильды Мегисе они поставили толоку чистки перья, свадьбу, сценки из сельского быта, вызванные из памяти танцы, игры и песни. Танцорам аккомпанируют музыканты этого рода. Наряду с традиционными инструментами: аккордеоном, монохордом и каннеле (эстонским кокле) они играют и на мандолине, гитаре, губной гармошке, современном аккордеоне и флейте. Летом род собирается в своей старой усадьбе в районе Харью, где дети учатся работать с древними хозяйственными инструментами, на небольшом лугу висят качели, в недалеком лесу находится жертвенный камень, а в клети висит столетняя колыбель, в которой растет уже пятое поколение семьи. Фольклорной группой рода Мегисе руководит Айри Рюттер, музыкантами — преподаватель музыкальной школы Таллинна Арне Рюттер.

Lietuvas ziemeļu daļā, Aukštaitijā, Pakrojas rajonā netālu viens no otru atrodas divi ciemi — Petrašuni un Linkuva. Līdz mūsu dienām tur saglabājušās ne mazums šīm rajonam raksturīgās daudzbalsīgās dziesmas, padzīvojuši laudis vēl atceras daudz pasaku, ieražu, kas saistītas ar dažādiem darbiem. Folkloras ansamblim «Linkava» (vad. S. Lavčikaite) neizsīkstošs avots ir vecākas teicējas O. Blūžnieres repertuārs. Īpaši interesantas ir viņas linu novākšanas dziesmas un rotaļas. Folkloras ansambla «Ziemgala» (vad. E. Gienene) vīru grupa izpilda ar sienā plauju un karu saistītās dziesmas, viss kolektīvs kopā spēle kāzas. Šo divu ansambļu dalībnieki ir lauku laudis, kuri savu kolektīvu pūrā devuši no vectēviem un vecvectēviem mantotās dziesmas, dejas un rotaļas.

Folkloras ansamblis «Šiaudine» (vad. I. Kubiliūte) izveidots no Viļņas S. Neries vidusskolas vecāko klašu skolēniem. Tā jau ir pilsētā uzaugusi jaunatne. Kolektīva repertuārā — autentiskas dziesmas, rotaļas, dejas, kurus paši dalībnieki pierakstījuši ikgadējās folkloras ekspedicijās dažādos Lietuvos novados.

Folkloras ansambla «Kulgrinda» kodolu sastāda I. un J. Trinkunu ģimene. Visi dzied, meitas spēlē kokles, māte ar meitām dzied senās sutartines. Ansambla dalībnieku tēri izgatavoti pēc IX — XIV gadsimta paraugiem, tie bagātīgi rotāti ar misiju un bronzu. Ansambla izpildījuma ipatnība ir kamerstils, senāko folkloras formu meklējumi.

Folkloras ansambla «Ula» (vad. A. Lunis) instrumentālās grupas repertuārā plaši pārstāvēta dažādu Lietuvas rajonu folklora. No vissenāko pūšamo instrumentu — ragu, daudišu, skuduču — spēlmaņiem izveidota jautra kapela, fidziga tām, kādas bija sastopamas Lietuvas laukos XIX gadsimtā un XX gadsimtā sākumā.

Angele Višnauškaite

In Augštaitija, the Pakruojo district, in northern Lithuania close to each other there are two villages — Petrašunu and Linkuva, where up to now numerous polyphonic songs typical of this region are preserved, elder people still remember many fairy-tales, rites connected with all sorts of field work.

For the folklore ensemble «Linkava» (director S. Lavčikaite) an inexhaustible source is the repertoire of their oldest chanter O. Blūžniene. Her songs and games of flax-harvesting are especially interesting. The men's group of the folklore ensemble «Ziemgala» (director E. Gienene) performs songs typical of hay-making and war, to-

The instrumental group of the folklore ensemble «Ula» (director A. Lunis) has in its repertoire numerous authentic musical folklore pieces from many Lithuanian regions. From the oldest wind instruments ragai, daudytés, skudučiai — to a jolly village band of the kind which was current in Lithuanian villages in the end of the 19-th and beginning of 20-th centuries.

Angele Višnauškaite

«Šiaudi ne»

gether with the rest of the ensemble they play-act weddings.

All the participants of those ensembles are villagers who have enriched their groups' repertoire with songs, dances and games of their grandfathers and great-grandfathers. The folklore ensemble «Šiaudine» (director I. Kubiliūte) of Vilnius S. Neries secondary school consists of pupils from senior forms. They are youngsters grown up in towns. Their repertoire consists of authentic songs, games and dances which have been recorded by themselves during their annual folklore expeditions in many Lithuanian villages.

The basis of the folklore ensemble «Kulgrinda» is the family of Inija and Jonas Trinkunas. They all sing, their daughters play kankles, mother together with her daughters sings ancient polyphonic songs called sutartines. Their costumes are reconstructions of 9—14 centuries dresses with numerous brass and bronze decorations. The distinctive trait of their performance — chamber music style, search of the oldest forms of Lithuanian folklore.

Литва

В северной части Литвы Аукштайтии, неподалеку друг от друга, в Пакруйском районе находятся два села — Пятрашюнай и Линкува. По сей день там сохранилось немало типичных для этого региона многоголосных песен, старые люди еще помнят множество сказок, обрядов, исполнявшихся во время различных полевых работ.

Для фольклорного ансамбля «Линкава» (рук. С. Лавчикайте) неиссякаемый родник — репертуар самой старой сказительницы О. Блужнене. Особенно интересны ее песни, игры при уборке льна.

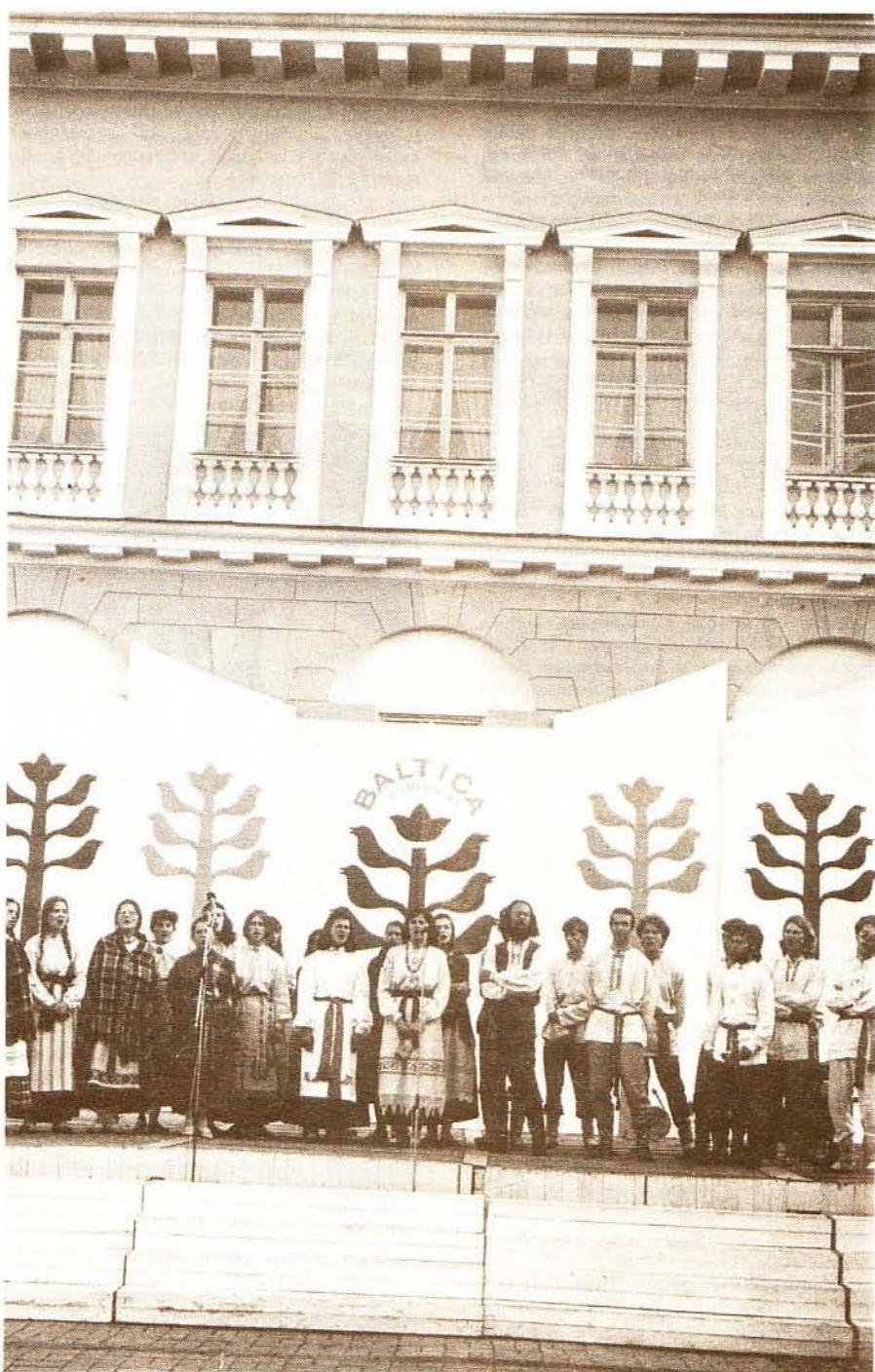
Мужская группа фольклорного ансамбля «Жемгалай» (рук. Э. Гянене) исполняет типичные сенокосные, военно-исторические песни, вместе со всем ансамблем играет свадьбу.

Все участники ансамблей — люди села, принесшие в коллектив песни, танцы, игры своих дедов и прадедов.

Фольклорный ансамбль «Шяудине» (рук. Й. Кубиляте) средней школы им. С. Нерис (г. Вильнюс) составляют ученики старших классов. Это уже молодежь, выросшая в городе. Репертуар составляют аутентичные песни, хороводы, танцы, которые сами участники записывают на ежегодных фольклорных экспедициях в разных селах Литвы.

Основа фольклорного ансамбля «Кулгринда» — семья Инии и Йонаса Тринкунасов. Все поют, дочери играют на канклес, мать с дочерьми поют древние образцы многоголосия — сутартинес. Костюмы — реконструкция одежды IX — XIV веков с множеством латунных и бронзовых украшений. Отличительная черта исполнения — камерность, поиски самых древних форм литовского фольклора.

Инструментальная группа фольклорного ансамбля «Ула» (рук. А. Лунис) имеет обширный репертуар аутентичного музыкального фольклора различных регионов Литвы. От древнейших духовых инструментов — рагай, даулитес, скудчай, до веселой сельской капеллы, бытовавшей в литовском селе в конце XIX — начале XX веков.

«Šiaudi ne»

De Brugger Daancers

«De Brugger Daancers» ir folkloras biedrība no Enshedes priekšpilsētas Glanerbruges, kura atrodas Tventē (Overeiselas provinces austrumos) pie Vācijas robežas. «De Brugger Daancers» izveidojās 1981. gada 9. decembrī, daļai dalībnieku atdaloties no viru kora «De Brugger Zangers». Viņu sākotnējā iecere bija vienkārši pajokoties kora jubilejā, taču folkloru izrādījās tik saistoša, ka tika nolemts dibināt atsevišķu folkloras biedrību ar mērķi saglabāt un popularizēt Tventes folkloru, īpaši senos dančus. Patlaban biedrībā darbojas ap 40 dalībnieku, tostarp pieci muzikanti. Viņi uzstājas divdesmito gadu Lonnekeras pāgasta zemnieku tērpos, galvenokārt zilos un melnos. Kājas dejotājiem ir koka tupeles. «De Brugger Daancers» repertuārā ir 30—35 danči, vairums no Tvetes. Biedrību labprāt aicina kuplināt kāzu svīnības, radīt tajās tautisku noskaņojumu, uzspēlēt akordeonu, padziedāt joku dziesmas. «De Brugger Daancers» ik gadus sniedz 40—45 koncertus, apmēram 10 no tiem — vecu lajužu pansionātos. Biedrība regulāri ciemojas arī tuvējās kaimiņvalstīs: Vācijā, Belģijā, Dānijs, Austrijā. Divas reizes tā piedalījusies karalienes dzimšanas dienas svīnībā Monsā Belģijā, un arī šogad gatavojas doties uz Monsu, kā arī uz starptautisko folkloras festivālu Lauterbahā. 1984. gadā biedrība izveidoja savu bērnu deju kopu «De Brugger Oaskes». Par «oaskes» vietējā dialektā dēvē nerātnus, taču godrus bērnus. Šīs kopas sastāvā ir ap 25 bērnu vecumā no 4 līdz 12 gadiem. Viņi izpilda senos Tvetes dančus un dzied senās bērnu dziesmas. «De Brugger Daancers» vadītājs ir Wims Versteegs.

«De Brugger Daancers»**De Brugger Daancers**

«De Brugger Daancers» is a folklore society from Enschede suburb Glanerbrug in Twente, which originated from the men's choir «De Brugger Zangers». Originally meant as a joke, this dancing group started in June, 1980 to add lustre to the jubilee of the choir. After some time folklore proved to be so interesting that it was decided to continue as an independent society. And thus this folklore society was founded on December 9, 1981. Its aim was the promotion and preservation of the folklore of Twente and the so-called ancient regional dances in particular. At the moment the group consists of 40 members, five of whom are musicians. «De Brugger Daancers» perform in the regional costumes, in tune with the region of Zuid-Eschmarke of the year of 1920 in the township of Lonneker. The costumes are mainly blue and black. The dancers wear clogs. There are about 30—35 dances in the repertoire, mainly from Twente area. «De Brugger Daancers» are also active at country weddings, play the accordion, etc. There are 40 to 45 performances by «De Brugger Daancers» every year, about 10 of which take place in homes for the aged. The society also regularly performs in the nearest neighbouring countries: Germany, Belgium, Denmark, Austria. They celebrated the Queen's birthday twice in Mons, Belgium and this year will be in Mons again and participate in an International Folkloristic Festival in Lauterbach. In 1984 a children's dancing group was added to the society, which got the name of «De Brugger Oaskes». In the regional dialect «oaskes» means naughty, but clever children. In their programme «De Brugger Oaskes» restrict themselves to ancient regional dances as well as ancient children's songs. The ages of this group of about 25 children vary from 4 to 12 years. The director of «De Brugger Daancers» is Wim Versteeg.

De Brugger Daancers

«De Brugger Daancers» — это фольклорное общество из Гланнербругга (края Твенте), в свое время отделившееся от мужского хора «De Brugger Zangers». Первоначальный замысел был — просто пошутировать на юбилее хора, но фольклор оказался настолько увлекательным, что было решено создать отдельное фольклорное общество. Итак, 9 декабря 1981 года родилось «De Brugger Daancers» с целью сохранить и популяризировать фольклор края Твенте, особенно старинные танцы. В настоящее время в группе около 40 участников, 5 из них музыканты. Они выступают в крестьянской одежде 1920 года района Зюд-Эшмарк. Одежда у них, в основном, синих и черных тонов, на ногах — деревянные туфли. В репертуаре «De Brugger Daancers» примерно 30—35 танцев, большинство из края Твенте. Группа активно участвует в свадьбах, помогает организовать их по народным традициям: с игрой на аккордеоне, с исполнением шуточных песен. Каждый год «De Brugger Daancers» дают 40—45 концертов, примерно 10 из них — в пансионатах для престарелых. Группа регулярно выезжает на гастроли в соседние страны: в Германию, Бельгию, Данию, Австрию. Два раза группа принимала участие в торжествах по случаю дня рождения королевы в Монсе (Бельгия). И в этом году группа собирается отправиться в Монс и на международный фольклорный фестиваль в Лauterбахе. В 1984 году общество создало свою детскую танцевальную группу «De Brugger Oaskes». «Oaskes» на местном диалекте означает «шаловливые, но умные дети». В составе этой группы около 25 детей в возрасте от 4 до 12 лет. Они исполняют старинные детские песни. Группа репетирует один раз в неделю, особое внимание обращая на танцы. Руководитель группы — Вим Верстег.

Lielbritānija

Great Britain

Великобритания

«Dūdalnieki» un «Dižie»

Latviešu tautas mūzikas ansamblis «Dūdalnieki» (vadītājs Raimonds Dāle) izveidojies 1983. gadā Līdzas apkaimē. Ansambļa daļniekiem nav speciālās muzikālās izglītības, taču viņi ne vien spēlē, dzied un dejo, bet arī paši izgatavo savām vajadzībām tradicionālos tautas mūzikas instrumentus, piemēram, dūdas, kokles, ģigas un citus. Ari tautas tēri ir ansambļa daļnieku roku darināti. «Dūdalnieki» spēlē mūziku no visiem Latvijas novadiem, izvēloties iespējami senākas melodijas, kaut gan labprāt uzsprēlē arī pa ziņgei. «Dūdalnieki» cenas dzīvot saskaņā ar senajām tautas ieražām, šai ziņā būdami radniecīgāki Latvijas folkloras kopām nevis ciemtu ārzemju kolektīviem. «Dūdalnieki» cenas popularizēt latviešu kultūru arī svešzemnieku vidū — tā, raidījumu ciklā, kas veltīts nacionālajām minoritātēm Anglijā, BBC sagatavoja programmu arī par «Dūdalniekiem». «Dūdalnieki» izlaidoši vairākas kasetes ar tautas mūzikas ierakstiem. Patlaban «Dūdalnieku» sastāvā ir ap desmit daļnieku vecumā no 24 līdz 60 gadiem. «Dūdalnieki» cieši saistīti ar deju grupu «Dižie» (vadītājs Ivars Jefimovs), ar kuru kopīgi gatavojas arī festivālam «Baltica».

«Dūdalnieki» and «Dižie»

The folk music ensemble «Dūdalnieki» (leader — Raimonds Dāle) started in 1983 in the area near Leeds. The members of the ensemble do not have academic musical education but they not only play, sing and dance, but also make their own traditional folk instruments, such as bagpipes, kokles, fiddles and others. Their folk costumes are also made at home. The «Dūdalnieki» play music from all areas of Latvia, choosing older melodies as much as possible, but they don't mind playing a song or two of non-ethnographical origin as well. They also try to live in accordance with ancient folk traditions, thus being more similar to folklore groups in Latvia than other foreign groups. The «Dūdalnieki» try to popularize Latvian culture amongst the local English. In radio series about ethnic minorities in England, BBC produced a show about the «Dūdalnieki». «Dūdalnieki» have recorded several cassette tapes with Latvian folk songs. Presently they have approximately ten members aged 24—60. The «Dūdalnieki» work closely with the dance group «Dižie» (leader — Ivars Jefimovs), together with whom they are preparing for the «Baltica» festival.

«Dūdalnieki» и «Диžие»

Ансамбль латышской народной музыки «Dūdalnieki» (руководитель Раймондс Далс) основан в 1983 году в районе Лидса. Участники ансамбля не имеют специального музыкального образования, но они не только играют, поют и танцуют, но и сами изготавливают традиционные народные музыкальные инструменты для своих нужд, как например, волынки, кокле и другие. И народные костюмы сделаны руками участников ансамбля. «Dūdalnieki» играют музыку всех областей Латвии, выбирая мелодии по возможности более древние; хотя с удовольствием исполняют и популярные веселые песенки. «Dūdalnieki» стараются также жить в согласии с древними народными обычаями, в этом смысле они духовно ближе к фольклорным группам Латвии, чем к другим зарубежным коллективам. «Dūdalnieki» стараются популяризировать латышскую культуру также в английской среде. Так, в цикле передач, посвященном народным меньшинствам Англии, Би-Би-Си подготовило программу об ансамбле «Dūdalnieki». Вышло несколько кассет с записями музыки группы «Dūdalnieki». На данный момент в составе группы «Dūdalnieki» около 10 участников в возрасте от 24 до 60 лет. «Dūdalnieki» тесно связаны с танцевальной группой «Dižie» (руководитель Иварс Ефимовс), совместно с которой они готовятся и к фестивалю «Baltica'91».

Vācija

Germany

Kelnes prāgeri

Vārds «prāgeri» latviešu valodā ienācis 17. gadsimtā, kad Latvijā ieradās mūziķi no Bohēmijas (Čehijas). Prāgeri (no vārda «Prāga») staigāja muzicēdam pa muižām un lauku sētām. Vēlāk vārds «prāgeri» tā iesakojies tautas valodā, ka kļuvis par sinonimu jēdzienam «tautas muzikanti, spēlmapi». Aiceroties legendāros «Piltene prāgerus», izvēlējāmies sev vārdu «Kelnes prāgeri» — Kelnes tāpēc, ka dziedam Kelnes latviešu kori. Mēs spēlējam latviešu, arī latgalu un lībiešu, tautas deju mūziku. Instrumentālās sastāvs ir aptuveni tāds, kāds bijis parasts Kurzemes lauku kapēlam 19. gadsimtā. Lietojam arī seno latviešu tautas instrumentu — somu dūdas (no vārda «soma», salīdziniet ar vācu «Dudelsack» un angļu «bagpipe»). Nepretendējam uz etnogrāfisku autentiskumu, bet spēlējam tā, kādai mūsu izpratnē vajadzētu būt tautas deju mūzikai. Šī mūzika nav komponistu aranžēta, bet gan radusies, brivi spēlējot, improvizējot. Ja, to klausoties, kājas cilājas, tad nevajag pretim turēties, bet jaun kājām vaļu! Vai tad tikai uz skatuvies var dejot? Nē, var taču arī tāpat, tikai prieka pēc!

Austris Grasis,
«Kelnes prāgeri»
mākslinieciskais
vadītājs

Kelnes prāgeri

The word «prāgeri» came into the Latvian language in the 17th century with musicians from Bohemia (Czechia). «Prāgeri» (from the word «Prague» — Praguians) travelled throughout the country playing music in manors and country farms. Later the word «prāgeri» assimilated into language and it has become a synonym for «folk musicians». Remembering the legendary «prāgeri» of Piltene, we chose the name «Kelnes prāgeri» (Prāgeri of Cologne) — Cologne, because we sing in the Cologne Latvian choir. We play Latvian, also Latgalian and Liv, folk dance music. The instruments in our ensemble approximately correspond to a typical country band in Kurzeme in the 19th century. We also use the ancient Latvian folk instrument «somu dūdas» (from the Latvian word «soma» — bag, cf. German — «Dudelsack», English — «bagpipe»). We do not aspire to being ethnographically authentic. We play folk dance music as we believe it should be played. The music has not been arranged by composers but has come about as we play and improvise. As you listen, if your feet start tapping, then don't stop them. Let them dance! Is dancing limited only to dancing on a stage? No, one can dance just for the fun of it!

Austris Grasis,
«Kelnes prāgeri»
Artistic Director

Германия

Kelnes prāgeri (Прагеры из Кельна)

Слово «prāgeri» в латышский язык вошло в XVII веку, когда в Латвию прибывают музыканты из Богемии (Чехии). Прагеры (от слова «Прага») бродили, музицируя, по поместьям и сельским усадьбам. Позже это слово так укоренилось в языке народа, что стало синонимом понятия «народные музыканты». Вспоминая легендарных «Прагеров из Пилтена», мы выбрали себе название «Прагеры из Кельна», так как поэм в латышском хоре Кельна. Мы играем латышскую народную танцевальную музыку, также латгальскую и ливскую. Инструментальный состав примерно такой, какие были у сельских капелл Курземе XIX века. Используем также древний латышский народный инструмент — волынку. Мы не претендуем на этнографическую идентичность, но играем так, как, по нашему понятию, должна звучать народная танцевальная музыка. Эта музыка не аранжирована композиторами, а возникла в свободной игре, импровизации. Если при ее звуках ноги хотят танцевать, то надо не сопротивляться этому, а дать волю ногам! Разве только на сцене можно танцевать? Нет, можно и просто так, для своей радости!

Аустрис Грасис,
художественный руководитель
группы

Teiksma

Ansamblis «Teiksma» no Mineapolis dzied un koklē kopš 1967. gada, visu savu darbošanos veltot latviešu tautas dziesmu kopšanai un godināšanai. «Teiksmas» vadītāja Elga Sproģe-Pone saka: «Mums patik mūsu tautas dziesmas. Mums patik tās koklēt, patik tās dziedat. Mēs darām to, lai arī citiem tās iepatiktos. Tāk bagāts ir mūsu tautas dziesmu pūrs, būtu ūž, ja citi to nepazītu.»

Teiksma

The ensemble «Teiksma» from Minneapolis has been singing and playing the kokle since 1967. All their work has been dedicated towards nurturing and honouring the Latvian folk-song. The leader of the ensemble, Elga Sproģe-Pone says: «We like our folk-songs. We like to play them on the kokle, to sing them. We do this so that others will also come to like them. The collection of our folk songs is so rich, that we would feel sorry if others did not know them.»

Teiksma

Ансамбль «Teiksma» из Миннеаполиса поет и играет на кокле с 1967 года, всю свою деятельность посвящая заботе о латышской народной песне. Руководитель группы «Teiksma» Элга Спроге-Поне говорит: «Нам нравятся наши народные песни. Нам нравится играть их на кокле, нравится их петь. Мы делаем это для того, чтобы и другим они понравились. Наше народное песенное наследие настолько богато, что было бы жаль, если бы другим это осталось неизвестным.»

«Teiksma»

«Dūdalnieki»

The white world view

The present makes sense only, if it is between the past and the future.

K. G. Jung

How does man find himself in the world, achieve an idea about that which is around him both in his vicinity and far away — both in space and time? How does each of us feel, understand and experience these great things: self and the world, self and the nation, self and history, the nation's history? It has been said that there are as many outlooks on the world as there are people in the world. Similarly it has been said that each nation has its own unique outlook on life. If we compare and delve deeper, then we find that humanity has always had an urge to find answers to these basic questions: Where do we come from? Where are we going? Who are we? Moreover — what should we be like, so as to remain human in all situations, working together with nature, culture, fellow people and ourselves? We find that essentially the answers are similar, although very different in form and outer appearance. Getting to know them, we have had the opportunity to judge our searches and findings. I may be mistaken, but it seems that the realization of these large perspectives in space and time enable a person not to lose his orientation and human approach in diverse situations and the most drastic historical changes. Furthermore, if we want to feel as part of a nation, then it is important to see ourselves and the world in light of the nation's sageness, to feel oneself in contexts as varied as possible, characterizing the nation's essence.

Every culture has its own key words, formulas, maybe even principles, which contain the essentials which often cannot be put into words or seen on the surface, but are supportive to the culture. Folklore is one of the storing places of these key words. Everyone can search in it and find what is necessary for them. In my opinion, the essence of the Latvian world experience is in the idea «white». «My dear white mother», and «white came the maiden»; «a white shirt» and «white shawl», similarly «white soul» and «white world». From the very beginnings in this life and even further.

Listen:

My dear white mother,
Raised me to be white;
Dressed me in a white shirt,
Set me in the sun.

White sits the Mother of
Souls
On a white clover hill;
Hands full of white flowers
A white shawl in her lap.

To be white — it is neither an innate, nor a one-time, nor an everlasting quality. It must be cared for and nurtured both in the material and spiritual world. Everybody no longer has a real idea how great the distance is from a dirty, grayish yellow sheep to a white shawl. One must know how to raise sheep, shear and wash, one must know how to spin and card, weave and embroider and then one must know how to

wear the shawl honourably. But what about the whiteness of the soul...

Threshing in the master's barn,
Singing as I walked;
Ever sheltering my body
With a white shawl,
Keeping the whiteness of my soul
As white as that of the shawl.

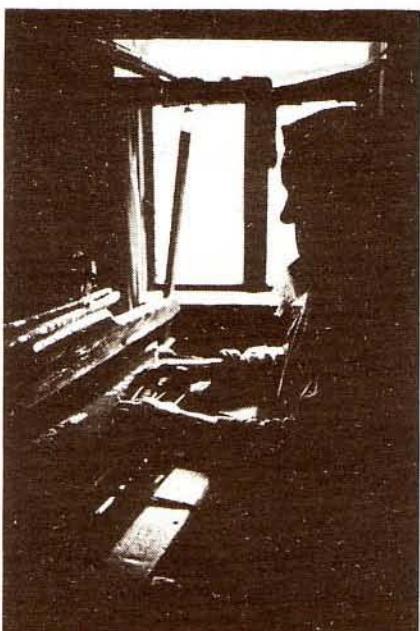
A possibility to develop the whiteness of one's soul — to be one, to be a part. To be able to feel and live in accordance with the great rhythms of nature and God, long life, doing work and celebrating holidays. We find that these rhythms are all around us in each thing, in regular processes, in their relationships with each other, and in our working in harmony with them. We can put this congruence into song with the help of various refrains: rotā, ligo, kaladū. Different ones for different seasons. It is important for this congruence to be based on understanding and careful listening. The Latvian attitude towards God is unique. There is no fear or humbling. There is respect and trust. Moreover, the understanding of God varies with each individual. The Dainas offer at least four different interpretations of God:

1. God — the creator of all, the only one governing the order of the world.
2. The world is governed by two powers — God and Māra (soul and material things).
3. It is possible that there are three powers, because man's life is destined and formed by Laima, one of the deities of fate, who can even cry about her decisions.
4. Perhaps each sphere of existence is governed by its own deity for example: Mother See, Mother Forest, Mother of the Fields etc. and only their combined efforts can create order in the world.

No one is subjugated to any one of these world views, it is not dictated — only this way and none other! I believe that Zenta Maurīja is right in saying that two theses are both equally correct: one that God is the creator of all, and the other that man creates his own God based on his own likeness.

Congruence is just as necessary with those around you — relatives, friends, and neighbours. Respect and self-respect filled unity; not forcing one's views on others and not losing one's self. This is possible if we know how to walk serenely, live while listening slowly and serenely, understanding and not interfering.

Māra Mellēna,
philosopher

Белое мироощущение

Настоящее только тогда имеет смысл, если оно находится между прошлым и будущим

К. Г. Юнг

Как человек находит себя в мире, как получает представление о том, что вокруг него не только proximity, но и вдали — и в пространстве, и во времени? Как каждый из нас чувствует, понимает и переживает эти большие понятия: себя и мир, себя и народ, себя и историю, историю народа? Говорят — сколько людей, столько взглядов на мир. Можно также услышать, что каждый народ имеет свое особое мировосприятие. Если сравнить и исследовать глубже, то оказывается, что человечеству в целом всегда было свойственно влечься искать от-

венное, что часто не выражать словами и что не видно на поверхности, но содержит эту культуру. Фольклор — одно из хранилищ «ключевых слов». Каждый может в нем искать и найти нужное для себя. По-моему, сущность переживания латышами мира надо искать в понятии «белый». «Моя белая матушка», «Шла белая девушка», «белая рубашка», «белый шерстяной платок», «белая душа» и «белый мир». С самого начала до конца этого мира и еще дальше.

Белая моя матушка
Белой меня воспитала,
Белую надела рубашку,
На солнышко вывела.

Сидит белая мать духов
На горке с белым клевером,
Полны руки цветов белых,
На коленях платок шерстяной.

Белому быть — это врожденное, а не раз-

веты на основные вопросы: Откуда мы? Куда идем? Кто мы? А кроме того — какими мы должны быть, чтобы во всех ситуациях, во взаимодействии с природой, культурой, современниками и самими собой мы оставались людьми? Оказывается, что ответы похожи по существу, хотя очень отличаются по форме и внешним признакам. Знакомясь с ними, мы имеем возможность оценить свои поиски и находки. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что осознание этих больших перспектив в пространстве и времени позволяет человеку не терять ориентацию и человеческое достоинство в самых разных ситуациях и на самых крутых поворотах истории. В свою очередь, если хотим ощутить себя частью народа, то важно увидеть себя и мир в свете народной мудрости, почувствовать себя, по возможности, в разнообразных, характеризующих сущность народа центральных контекстах. Каждая культура имеет свои «ключевые» слова, формулы, возможно, даже принципы, в которых заложено самое сущест-

и навсегда приобретаемое качество. Его надо лелеять — заботиться о нем и в мире вещей, и в мире духа. Не все имеют реальное представление о том, как далеко от грязной, желто-серой спины овцы до белого шерстяного платка. Надо уметь овец выращивать, стричь и стирать шерсть, надо уметь прядь и скручивать нитки, ткать и вышивать, и еще — с честью носить белый шерстяной платок. А как с белизной души...

Молотила ли я хлеб господину,
Ходила ли распевая,
Укрывала свои плечи я
Белым шерстяным платком.
Да будет душа моя
Бела, как шерстяной платок.

Одна из возможностей ухаживать за белизной души своей — быть в согласии, в гармонии. Уметь чувствовать великие ритмы природы и Бога и уживаться с ними, живя своей жизнью, делая работу и праздную праздники. Оказывается, эти ритмы вокруг нас в каждой от-

дельной вещи, в конкретном процессе, в их взаимоотношениях и в нашем взаимодействии с ними. Мы можем пропеть это созвучие с помощью разных припевов: «рота», «лиго», «каладу». В каждое время года по-разному. Важно, что это созвучие основывается на понимании и умении вслушиваться.

Своебразно также отношение латышей к Богу. Нет страха и унижения, а есть благоговение и доверие. Причем понимание Бога зависит от самого человека. Дайны предлагают по крайней мере четыре варианта понимания Бога:

- 1) Бог — создатель всего, единственный указчик мирового порядка;
- 2) Путь мира установлен двумя силами — Богом и Марой (духом и материей);
- 3) Возможно, этих сил три, потому что жизненный путь человека определяет Лайма, одна из тех богинь судьбы, которая может даже оплакивать свое решение;
- 4) Может быть, за каждую сферу бытия отвечает свое божество, например: мать Моря, мать Леса, мать Поля и т.д., и только их совместные действия могут обеспечить порядок в мире.

Никому не навязывается какое-либо из этих мировоззрений, не требуется — только так и не иначе! Думаю, что права Зента Мауриня, которая говорит, что одинаково правильны тезисы: о Боге — создателе всего, и второй — человек сам создает своего Бога по своему образу и подобию.

В такой же большой мере необходимо согласие с теми, кто вокруг тебя, — с родственниками, друзьями и соседями. Согласие, полное уважения и чувства собственного достоинства, не навязывая свое и не теряя себя. Это возможно, если уметь спокойно идти и спокойно петь, жить, спокойно вслушиваться, понимая и не вмешиваясь.

Мара Меллена,
философ

Tautas mūzika Latvijas kultūrvēsturiskajos apgabalos

KATRĀ Latvijas kultūrvēsturiskajā apgabalā ir sava īpatnēja tautas mūzikas aina. Atsevišķos gadījumos šajā ainā, tās savdabības veidošanā piedalās parādības, kas ir raksturīgas tikai un vienīgi konkrētajam kultūrvēsturiskajam apgabalam. Tomēr lielākoties

katrā apgabala tautas mūzikas ainas savdabība rodas ne tik daudz, pateicoties šim nedaudzajām šauri izplatītajām parādībām, cik tam, ka latviešu tautas mūzikai visraksturīgākie veidi dažādos apgabaloš ir apveltīti ar savām vietējām īpatnībām, un tam, kādi no šiem veidiem kurā apgabala ir sastopami un kādā savstarpējā attiecībā.

Par dažām raksturīgām latviešu tautas mūzikas parādībām.

1. Burdondaudzbalsība (vilcēju daudzbalsība) ir arhaisks daudzbalsības veids, kurā viena balss ir kustīga, bet otra pilnīgi vai gandrīz pilnīgi «stāv uz vietas». Šī balss visbiežāk sastāv no garas skaņas, kas tiek vilkta ar kādu patskani, parasti «ē». Taču ir zināms arī tāds burdondaudzbalsības veids, kur nekustīgā balss uz vienas vai divām skaņām skandē līdzi kustīgajā balsī dziedāto tekstu (sillabiskais burdons).

2. Refrēndziesmās ik teksta rindai seko refrēns. Tas parasti tiek ritmiski un melodiski izcelts. Refrēndziesmas vairumā gadījumu ir vienbalsīgas, kaut gan dažos novados tās mēdz kombinēties ar kādu no daudzbalsības veidiem. Latviešu refrēndziesmas teksta rindas un tai sekojošā refrēna garuma attiecība ir 2:2, retāk 2:1.

3. Teicamās dziesmas, svešvārdā — rečitatīvās dziesmas. Tās izpildot, teicējs it kā pa pusei dzied, pa pusei runā — melodijas plūdums ievērojami tuvināts runas plūdumam. Protams, šajā savdabīgajā sakausējumā noteicošais tomēr ir muzikālais elements. Teicamajām dziesmām nav refrēna. Parasti teicējs (priekšdziedātājs) nodzied vienu teksta divrindi, pēc tam seko atkārtojums, ko dzied pārējie dziedātāji visi kopā. Var atkārtot tikai divrindes otro rindu, visu divrindi vai arī visu divrindi un vēlreiz tās otro rindu.

4. Latviešu tautas mūzikā pastāv vesels melodiju slānis, kurās klausoties, festivāla viesi no Vācijas, Zviedrijas vai Somijas, arī no vairākām citām zemēm uztvers daudz ko tādu, kas viņiem liksies jau pazīstams — sava paša tautas mūzikā dzirdētu melodiju motīvus, varbūt pat veselas melodijas. Tās būs galvenokārt pēdējo divu gadsimtu laikā radušās un pārņemtās melodijas. Tādu Latvijā ir daudz. Tām atšķirībā no teicamajām dziesmām ir plašs skaņu apjoms, skaidri izcelti melodijas kāpumi un kritumi.

Folk music in the historical regions of Latvia

Introductory note

Each historical region of Latvia has its own unique state of folk music. In some cases this unique musical state of the region is partly due to certain phenomena characteristic of this particular region. Yet, for the most part, the peculiarity of folk music in each region cannot be explained by these few locally restricted phenomena alone, but rather by the fact that the universal kinds of folk music, in various regions of Latvia, possess their own peculiarities. Consequently, the unique state of folk music in each region of Latvia is a result of each peculiarity and their varying joint relationships.

Some basic phenomena of the Latvian folk music

1. Drone singing is a kind of ancient polyphony where one voice is active, while the other one is absolutely or nearly passive. This latter voice often consists of a long sound sung with a vowel, usually «ē». However, there is another kind of drone singing, where the passive voice sings along the text of the active voice on one or two tones (repeated drone).

2. In the refrain songs each text line is followed by a refrain. The latter usually stands out both in rhythm and melody. Refrain songs are mostly monophonic, but in some regions they are combined with one of the kinds of polyphony. The proportion between a text line and following refrain in Latvian refrain songs is 2 : 2, more seldom 2 : 1.

3. Recitatives are performed half-sung and half-spoken. The flow of melody is close to that of speech, with a predominating musical element. Recitatives have no refrain. As a rule, the lead singer sings a couplet of the text, which is repeated by the rest of the singers. There are variations of repeating only the second line of the couplet or the whole couplet, or the couplet and again its second line.

4. Latvian folk music has a whole range of melodies in which the festival guests from Germany, Sweden or Finland as well as several other countries are likely to perceive familiar folk music motifs of their countries, perhaps even the entire melody. These melodies have emerged and have been taken over mainly during the last two centuries. They are melodies of more recent origin. Latvia is rich in these melodies. Contrary to recitatives, they display a wide scale-range of distinct ups and downs.

Народная музыка в культурно — исторических областях Латвии

Вступительная заметка

В каждой культурно-исторической области Латвии наблюдается своя особая картина народной музыки. В отдельных случаях это своеобразие создают явления, характерные лишь для конкретной культурно-исторической области, но чаще виной тому не столько немногие, узко локальные явления, сколько то, что общехарактерные виды латышской народной музыки в разных областях наделены своими местными особенностями и то, какие из этих видов и в каких взаимоотношениях в какой из областей представлены.

Сначала — о некоторых наиболее характерных явлениях латышской народной музыки.

1) Бурдонное многоголосие является архаическим видом многоголосия, в котором один голос подвижный, а второй полностью или почти полностью «стоит на месте». Этот голос чаще всего состоит из долгого звука, поющеся на каком-либо гласном, обычно «э». Но известен и такой вид бурдона многоголосия, когда подвижный голос на одном или двух звуках скандирует исполняемый подвижным голосом текст (слоговый бурдон).

2) В рефренных песнях за каждой строкой текста следует рефрен. Он обычно ритмически и мелодически выделяется. Рефренные песни в большинстве случаев одноголосные, хотя в некоторых местах они могут комбинироваться с одним из видов многоголосия. Отношение длины строки текста латышской рефренной песни к длине следующего за ней рефrena наиболее часто 2:2, реже 2:1.

3) Речитативные песни исполняются как-бы полуговором — мелодическое движение приблизилось к речевому потоку. Конечно, в этом своеобразном сплаве определяющим все же является музикальное начало. Речитативные песни не имеют рефrena. Обычно запевала поет двухстишие текста, потом следует повторение, которое поется остальными певцами. Можно повторить либо только вторую строку двухстишия, либо все двухстишие, либо все двухстишие и еще раз его вторую строку.

4) В латышской народной музыке существует целый слой мелодий, слушая которые, гости фестиваля из Германии, Швеции, Финляндии или других стран, уловят много такого, что им покажется уже знакомым — мелодические мотивы, может быть, даже целые мелодии, известные им по народной музыке собственного народа. Это в основном будут мелодии, возникшие и распространявшиеся в течение последних двух веков. В Латвии таких мелодий много. В отличие от речитативных песен они имеют широкий звуковой объем, рельефную мелодию.

Vidzemē ir sevišķi krāšņs jaunākās cilmes melodiju klāsts. Tās vēl tagad šeit skan saviesīgās reizēs, izplatītas visā apgabalā. Maz ziņu ir par arhaisko tautas mūziku Vidzemes rietumu un ziemeļrietumu novados. Citāds stāvoklis ir Dienvid- un Austrumvidzemē. Teicamās dziesmas šeit, tāpat kā daudzviet Latvijā, parasti tika dziedātas kāzās, taču dažos Dienvidvidzemes pagastos tās dziedāja arī bērēs, protams, ar bēru dziesmu tekstiem, un arī citās ieražās.

Izcila vieta Vidzemē ir refrēndziesmām. Tās šeit dziedāja galvenokārt Jāņos — Vasaras saulgriežu svētkos (ar refrēnu «Līgo!»). Vidzemes austrumos šaura apjoma refrēndziesmas ar refrēniem «totari!», «tātari!», «kolando!», «tondaro!» u.c. skanēja laikā ap Ziemas saulgriežiem. Tās dziedāja masku gājienu dalībnieki, staigādami no mājas uz māju un dzīdami dažādus stīkus. Ar refrēnu «rotā!» un apvienojumā ar sillabisko burdonu šaura apjoma refrēndziesmas lauku plašumos pavasara vakaros skanēja teksmainajā eposā «Lāčplēsis» apdziedātajā Lielvārdes novadā — Vidzemes dienvidrietumos, Daugavas labajā krastā. Šeit arī teicamās dziesmas jo bieži tika dziedātas ar sillabisko burdonu. Vēl pagājušā gadsimta pirmajā pusē Lielvārdes novadā «pilnā spēkā pastāvēja vecu vecā ticība jeb mānu ticība, tēvutēvu tikumi un ieražas. Tur ziedoja vēl mājas dieviem uz vecām krāšņaitām un pie veciem, cauriem ozoliem svētīja veļu naktis, bluķu vakarus, Pērkoņa Krustdienas un daudz citas pagānu ticības dienas, lai gan jau sajauktas ar kristīgās ticības svētām dienām. Tur vēl pilnīgi valdīja burvji un labdari, raganas un pūšļotājas» (A. Pumpurs. «Tēvijā». Rīga. 1981, 24 lpp.). Nu jau vairākus gadus desmitus Lielvārdē, tāpat kā gandrīz visur citur Vidzemē dzīvas, pārmantotas senās tautas mūzikas vairs nav. Dienvidaistrum- un Austrumvidzemē līdzās sillabiskajam burdonam pastāvēja arī dūdu burdons, lielākoties saistībā ar refrēndziesmu melodijām.

Vidzeme

Vidzeme is particularly rich in melodies of more recent origin, which can still be heard in celebrations. They are spread throughout the region. We have little evidence of the ancient folk music in the western and northwestern parts of Vidzeme. The situation differs in the southern and eastern parts of Vidzeme. Here, as in many parts of Latvia, the recitatives were usually sung at weddings, but in some districts in the south of Vidzeme also at funerals, naturally, with appropriate texts, and on other occasions. Refrain songs are the pride of Vidzeme. They were sung mainly at «Jāņi» — the summer solstice (with the refrain «līgo»). In the east of Vidzeme, refrain songs of narrow scale-range with the refrains «totari!», «tātari!», «kolando!», «tondaro!» etc.

Видземе

В Видземе имеется особо богатый набор мелодий новейшего происхождения. И по сей день их здесь исполняют по разным общественным поводам. Они распространены по всей области. Мало сведений сохранилось об архаической народной музыке западной и северо-западной Видземе. Иное положение в южной и восточной Видземе. Речитативные песни здесь, как во многих местах Латвии, обычно исполняли на свадьбах, но в некоторых волостях южной Видземе их пели также на похоронах, разумеется, с текстами похоронных песен, а также при других обрядах.

Особое место в Видземе занимают рефренные песни. Их здесь пели в основном на Лиго — празднике летнего солнцесто-

were sung by participants of mask processions at the time of the winter solstice, while walking from hause to hause, inventing all kinds of pranks. With the refrain «rotāl!» combined with the repeated drone, refrain songs of narrow range were sung in the fields on spring evenings in the picturesue Lielvārde district in southwest Vidzeme on the right bank of the Daugava. This district was the setting for the epos «Lāčplēsis». Here refrain songs were often performed with the repeated drone. Still in the first half of the 19th century in the Lielvārde district «the ancient or superstitious religion, the ancestors' virtues and habits were flourishing. Offerings were still made to the domestic gods, «veļu nakts» (a night to remember and treat ancestors' souls) and other pagan festivities were celebrated at old, hollow oak-trees. Already then, these celebrations alternated with Christian ones. Wizards and benefactors, witches and quacks were still ruling there». (A. Pumpurs. «Tēvijā» (In Motherland) Riga, 1981, 24. p.) For several decades there has no longer been any live, inherited ancient folk music in Lielvārde, as well as nearly all of Vidzeme. In the southeast and east of Vidzeme, along with the repeated drone, there existed a drone with a long sung vowel, mostly linked with the melodies of refrain songs.

«Budēļi»

яния (с припевом «лигол»). На востоке Видземе рефренные песни узкого объема с рефренами «тотари», «татари», «коландо», «тондаро!» и др. звучали на празднике зимнего солнцестояния. Их пели ряженые зимних карнавальных шествий, переходя от усадьбы к усадьбе, везде устраивая веселые розыгрыши. Рефренные песни узкого объема с рефреном «рота!» в комбинации со слоговым бурдоном звучали весенними вечерами на просторах полей в сказочной, воспетой эпосом «Лачплесис», волости Лиелварде — на юго-западе Видземе на правом берегу Даугавы. Речитативные песни здесь также исполнялись со слоговым бурдоном. По словам А. Пумпурса, еще в первой половине прошлого века в Лиелвардском kraе люди в полной мере исповедовали древнюю веру или суеверие, подчиняясь законам и обычаям предков. Там все еще приносили жертвы домашним богам, у старых, дуплистых дубов праздновали ночи духов, крестины Перкуна и многие другие языческие празднества, хотя уже наряду со святыми днями христианской веры. Там еще полностью властвовали колдуны и благодетели, ведьмы и знахарки. Уже несколько десятков лет в Лиелварде, так же, как почти повсюду в Видземе, живой, унаследованной стаинной народной музыки больше нет. В юго-восточной и восточной Видземе наряду со слоговым бурдоном существовал и вольноночный бурдон, связанный, главным образом, с мелодиями рефренных песен.

Festivāla dalībnieki no Latvijas

Rīga

Folkloras draugu kopa «Skandinieki», vad. Helmī un Dainis Stalti; Latvijas Etnogrāfiskais brīvdabas muzejs

Tautas tradīciju kopa «Budēļi», vad. Liена Teterovska un Jānis Kleperis; Latvijas Universitātes Cietvielu fizikas institūts

Folkloras kopa «Savieši», vad. Armands Avotiņš; Centra raj. jauniešu mākslinieciskās jaunrades centrs

Folkloras ansamblis «Ilgi», vad. Ilga Reizniece; Kurzemes priekšpilsētas kultūras nams

Lībiešu folkloras ansamblis «Līvlist», vad. Ārija Mauriņa; Rīgas pilsētas Kultūras pārvalde

Folkloras kopa «Grodi», vad. Andris Kapusts; Kuldīgas rajona kopsaimniecība «Vārme»

Folkloras kopa «Rasa», vad. Valdis Muktupāvels; Latvijas kultūras fonds

Deju folkloras kopa «Dandari», vad. Ernests Spičs; Latvijas Universitāte

Folkloras kopa «Jūrmalnieks», vad. Māra Mellēna

«Savieši»

«Skandinieki»

«Ilgi»

Lubānas folkloras kopa

«Senleja»

Vidzeme

Aizkraukles rajons

Folkloras kopa «Klintaine», vad. Laila Gabranova

Aizkraukles raj. kultūras nama folkloras kopa, vad. Vija Lapa

Cēsu rajons

Līgatnes folkloras kopa «Ligate», vad. Ināra Vimba

Straupes deviņgadīgās skolas folkloras kopa, vad. Gunta Millere

Tautas vērtes kopa «Dzieti», vad. Dace Filimonova un Daumants Kalniņš; Cēsu raj. kultūras nams

Madonas rajons

Lubānas folkloras kopa, vad. Valentina Baranovska

Kopa «Vērtumnieki», vad. Artis Kumsārs; Madonas mūzikas skola

Varakļānu folkloras kopa, vad. Zinaida Raģele

Rīgas rajons

Folkloras kopa «Senleja», vad. Aina Salmane; Gaujas nacionālais parks

Valmieras rajons

Folkloras ansamblis «Daina», vad. Indra un Inta Indriksones; Valmieras stikla šķiedras rūpnīca

Rencēnu folkloras kopa «Rota», vad. Brīgita Punkstiņa

Latgale

Galvenie dziesmu veidi Latgalē ir tie paši, kas Vidzemē. Teicamās dziesmas visbiežāk skan kāzās un talkās. Runas plūduma iespiešanās melodijas un ritmiskajā plūdumā Latgales teicamajās dziesmās ir jūtama mazāk nekā citos apgabalos. Ziemas saulgriežu refrēndziesmas (parasti ar refrēnu «kalado!» vai «kaladū!»), Rietumlatgalē arī Vasaras saulgriežu refrēndziesmas (ar refrēnu «rūto!»), vairāk vai mazāk līdzinās šaura apjoma refrēndziesmām Austrumvidzemē, tikai šeit tās gandrīz nekad nav saistītas ar burdonu. Taču Austrum- un Dienvidaustrumlatgalē Vasaras saulgriežu dziesmas ir ieguvušas visai savdabīgu veidolu. Dienvidaustromos — Ciblas, Nirzas, Andrupenes, Dagdas un vēl dažos citos pagastos — tās ir bagāti piebārstītas ar dažnedažādiem locījumiem un melodijas rotāju-miem. Austrumlatgalē — Kārsavā un Mērdzenē — šīs, tāpat kā dažu citu veidu melodijas, ir ieaugusās krāšņā daudzbalsībā — tās dzied divbalsīgi un pat trīs- un četrbalsīgi. Taču tā nav arhaiskā burdondaudzbalsība, bet gan daudz jaunāks vokālās daudzbalsības veids, kuram līdzīgu lieto arī vietējā katoļu baznīcas mūzikā. Tomēr tas nenozīmē, ka Latgalē nebūtu burdondaudzbalsības. Rietumlatgalē — Krustpils, Preiļu, Vārkavas un vairākos citos pagastos — burdondaudzbalsība, gan dūdu, gan sillabiskā, vēl nesen skanēja talkās un kāzās. Vēl tagad Ziemeļlatgalē — Viļakas, Šķilbēnu un Baltinavas pagastos tiek dziedāta «tolku bolss» — spilgts šīs senās daudzbalsības paraugs. Jaunākās cilmes melodijas Latgalē pa daļai līdzinās Vidzemes melodijām, tomēr Krievijas tuvums ir iemesls tam, ka daudzām ir slāvisks kolorīts. Atšķirībā no Vidzemes Latgalē tautas mūzika dažviet skan vēl arī mūsdienās.

Latgale

The principal kinds of songs in Latgale coincide with those in Vidzeme. The recitatives in Latgale most often are sung at weddings or «talkas» (neighbours coming together to help each other in farm work). The flow of speech does not penetrate the melody and rhythm in the Latgale recitatives so much as in other regions. The refrain songs of the winter solstice (usually with the refrain «kaladol» or «kaladū!») in the west of Latgale, also those of the summer solstice (with the refrain «rūto»), are more or less similar to the refrain songs of narrow range in the east of Vidzeme, but here they are rarely linked with the drone. In the east and south-east of Latgale the summer solstice songs have acquired quite a peculiar form. In the south-east: in Cibla, Nirza, Andrupene, Dagda and some other districts they are melismatic and full of other melodic embellishments. In the east of Latgale: Kārsava and Mērdzene, like other kinds of melodies, they have acquired a rich polyphony similar to that of the local Catholic church music. Drone singing can be found in Latgale as well. In the west of

Латгале

Основные виды песен в Латгале те же, что и в Видземе. Речитативные песни в Латгале чаще всего можно услышать на свадьбах и толоках. Проникновение речевого потока в мелодию и ритм в речитативных песнях Латгале менее заметно, чем в других областях. Рефренные песни зимнего солнцестояния (обычно с рефреном «каладо!» или «каладу!»), в западной Латгале также рефренные песни летнего солнцестояния (с припевом «руто!») более или менее похожи на рефренные песни узкого объема восточной Видземе, только здесь они почти никогда не связаны с бурдоном. Но в восточной и юго-восточной Латгале песни летнего солнцестояния обрели весьма своеобразный облик. На юге-востоке — в волостях Цибла, Нирза, Андрупене, Дагда и некоторых других — они обильно насыщены различными мелодическими украшениями. В восточной Латгале — в Краславе и Мердзене — эти мелодии, как и мелодии некоторых других видов, обрели пышное многоголосие — их поют в два,

Latgale: Krustpils, Preiļi, Vārkava and some other districts drone singing was still heard at weddings and «talkas» not long ago. In the north of Latgale (Viļaka, Šķilbēni and Baltinava districts) drone singing is still sung. The melodies of more recent origin in Latgale are quite similar to the corresponding melodies in Vidzeme, yet the nearness of Russia accounts for the Slavonic colouring in many of them. Unlike Vidzeme, the folk music in Latgale can still be heard in some parts today.

три и даже четыре голоса. Но это не архаическое бурдонное многоголосие, а более новый вид вокального многоголосия, подобный которому используется и в музыке местной католической церкви. Однако это не значит, что в Латгале нет бурдонного многоголосия. В западной Латгале — в волостях Крустпилс, Прейли, Варкава и некоторых других — бурдонное многоголосие, и волынческое, еще сравнительно недавно звучало на толоках и свадьбах. Еще по сей день в северной Латгале — в волостях Виляка, Шкилбени и Балтинава — поют «толочную песню» — яркий образец этого древнего многоголосия. Мелодии новейшего происхождения в Латгале частично похожи на соответствующие мелодии Видземе, но proximity to Russia — причина того, что многие имеют славянский колорит. В отличие от Видземе в Латгале живая, унаследованная народная музыка в некоторых местах звучит еще и сегодня.

Latgale

Balvu rajons

Baltinavas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Antoņina Logina

Briežuciema etnogrāfiskais ansamblis, vad. Valentīna Ozoliņa

Medņevas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Nātālija Smuška, p/s «Medņeva»

Rekavas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Stefānija Matisāne

Tilžas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Linda Čaunāne

Upītes etnogrāfiskais ansamblis, vad. Irēna un Antons Slišāni

Viļakas folkloras kopa, vad. Lūcija Bondare

Jēkabpils rajons

Atašenes folkloras kopa «Vīraksne», vad. Valentīna Mičule

Krāslavas rajons

Aulejas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Genovefa Konošonoka

Ludzas rajons

Mežvidu etnogrāfiskais ansamblis, vad. Skaidrīte Nagle

Pušmucovas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Helēna Probuka

Rogovkas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Anna Garanča

Salnavas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Elvīra Bleive un Zinaida Romane

Preiļu rajons

Līvānu folkloras ansamblis «Latava», vad. Sandra Prikule, r/a «Daiļrade»

Preiļu pagasta folkloras ansamblis, vad. Jānis Teiļāns

Riebiņu folkloras ansamblis «Jumalaļa», vad. Jānis Teiļāns

Saunas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Jānis Teiļāns

Galēnu folkloras ansamblis «Vydsmuiža», vad. Anna Kupre

Rēzeknes rajons

Etnogrāfiskais ansamblis «Rikava», vad. Janīna Mičule

Folkloras ansamblis «Rūta», vad. Inese Pāvule; Rēzeknes putnu paraugfabrika

Gaigalavas pagasta Igauņu ģimenes ansamblis

Viļakas folkloras kopa

«Latava»

Augšzeme

Šajā vismazākajā Latvijas kultūrvēsturiskajā apdzīvotajā daļā pam jau pazīstamos tautas mūzikas veidus. ~~Pagājušā~~ gaijuma beigās pierakstītās melodijas rāda, ka ~~refrendziesmas~~ Augšzemē biežāk kā citur tika dziedātas ar burdonu — gan diaļu, gan sillabisko, ka tās bija šaurā skaņu apjomā. Tāpat kā Vidzeme, arī Augšzemē refrēndziesmas dziedāja ziemas masku gaijenu dalībnieki (tām raksturīgi refrēni «olilo!» un «duido!»), pavašari vairākos pagastos skanēja rotāšanas dziesmas, Vasaras saulgrīežos — līgotnes. Sēlpils un Vārnava pagastā arī teicamās dziesmas tika dziedātas ar burdonu. Tās visbiežāk bija kāzu dziesmas. Saukas pagastā pirms nedaudz vairāk kā simts gadiem tika pierakstītas dažādas dziesmas, kuru daudzbalsība jūtami atšķiras no burdondaudzbalsības un daudzējādā ziņā līdzinās citam senam, ļoti īpatnējam daudzbalsības veidam, kas bija izplatīts Ziemeļaustrumlietuvā un tiek sauktis par sutartīnu polifoniju. Šajā daudzbalsības veidā atšķirībā no burdondaudzbalsības visas balsis ir kustīgas. Tajā bieži vien teksta rinda un «refrēns» skan nevis viens pēc otra, bet gan vienlaicīgi — katrs savā balsī. Patlaban Augšzemē vairs tikpat kā nav dzīvas tautas mūzikas. Vēl Dignājā dažas teicējas zin dziedāt teicamās dziesmas un dažus citus seno dziesmu veidus.

Augšzeme

In this smallest historical region of Latvia, we come across the already familiar kinds of folk music. The melodies recorded at the end of the last century reveal that refrain songs in Augšzeme, more often than in other places, were narrow range and sung with the drone. As in Vidzeme the refrain songs were sung by the participants of winter mask processions (with the refrain «olilo» and «duido»). In several districts spring songs (with the refrain «rotā!») were heard, and at the summer solstice songs with the refrains «ligo!» were performed. In the Sēlpils and Vārnava districts recitatives, mainly wedding songs were also sung with the drone. More than a hundred years ago in the Sauka district, a few polyphonic songs, which greatly differed from the drone singing, were written down, and in many aspects they resemble another ancient, very unique kind of polyphony (sutartines-polyphony) that was widespread in the northeast of Lithuania. Here unlike drone singing all the voices are active. A text line and a «refrain» do not succeed each other, but are sung simultaneously. At present there is hardly any live folk music in Augšzeme. Only in Dignāja some singers still know recitatives and other kinds of ancient songs.

Аугшземе

В этой самой маленькой культурно-исторической области Латвии мы встречаемся с уже известными нам видами народной музыки. Мелодии, записанные в конце прошлого века, показывают, что рефренные песни в Аугшземе чаще, чем в других областях, использовались с бурдоном — и волыночным, и слоговым, и что они отличались узким звуковым объемом. Так же, как в Видземе, в Аугшземе рефренные песни исполнялись ряжеными зимних карнавальных шествий (для их песен характерны рефрины «олило!» и «дуйдо!», весной в некоторых волостях звучали песни «рота!», на летнем солнцестоянии — песни «лиго!». В волостях Селпилс и Варкава речитативные песни пелись также с бурдоном. Чаще всего это были свадебные песни. В волости Саука немногим более ста лет тому назад записано несколько песен, многоголосие которых заметно отличается от бурдонного многоголосия и очень похоже на другой древний, очень своеобразный вид многоголосия, распространенный на северо-востоке Литвы — полифония сутартинес. В этом виде многоголосия, в отличие от бурдонного, все голоса подвижные. В нем строка текста и рефрен часто следуют не друг за другом, а звучат одновременно — каждый на своем голосе. Сейчас в Аугшземе почти нет живой, унаследованной народной музыки. Лишь в Дигнае несколько певиц знают речитативные песни и некоторые другие виды древних песен.

Zemgale

Šis apgabals ir refrēndziesmu izplatības rajona nomale. Ja Zemgales viļusdaļā arhaiska rakstura refrēndziesmas vēl ir sastopamas, kaut arī tikai nedaudzu tipu un tikai vienā žanrā — kā līgotnes, tad Rietumzemgalē tās kļūst aizvien retākas. Protams, šeit netrūkst plaša skaņu apjoma līgotņu, tādu pašu kā tās, ko savā laikā Vidzemē apdarināja un ar kora repertuāra starpniecību tautā atpakaļ laida J. Cimze un citi autori. Burdons Zemgalē ir visai reta parādība. Tikai samērā nedaudzi piemēri liecina, ka pilnīgi svešš šis daudzbalsības veids šim apgabalam senatnē nav bijis. Noskaidrot, kāds īsti bijis burdona liktenis Zemgalē, diezin vai kādreiz izdosies — šeit tikpat kā vairs nav dzīvu tautas mūzikas tradīciju. Materiāli liecina, ka īpaši spilgtas Zemgalē agrāk bijušas teicamās dziesmas, tādas, kas cieši pieskaņojas valodas plūdumam. Tāpat kā citur, šis dziesmu veids šeit skanēja galvenokārt kāzās. Zemgalē pierakstīti arī vairāki sevišķi skaisti un plaši izdziedāti ganu saucieni, kādu pavisam maz ir citos apgabalos. Tos dziedāja gani, savā starpā sasaucoties. Bagātīgs ir arī jaunākas cilmes melodiju klāsts. Tās šeit, tāpat kā Vidzemē un citur Latvijā, dziedātas gan ar dainu tekstiem, gan ar tādiem, ko pētnieki sauc par ziņgēm. Zemgalē vērojams samērā plašs starpslānis starp senajiem un jaunajiem melodiju veidiem.

Zemgale

This region forms a peripheral part in the distribution of refrain songs. While in the middle of Zemgale the ancient refrain songs were sung, though only a few types and one genre — «ligo» songs, in the west of Zemgale they are hardly found at all. Drone singing is rarely found in Zemgale. Only a few examples testify that this kind of polyphony was not completely unknown in this region in the past. It is not likely that the fate of the drone in Zemgale will ever be known. Reference materials provide evidence that in Zemgale the flow of speech influenced recitations to a great extent. As elsewhere, these songs were performed mainly at weddings. From Zemgale come notations of particularly beautiful, long-held shepherd calls, hardly found in other regions. These were sung by shepherds, calling each other. The number of melodies of more recent origin is great. Here, as in Vidzeme and elsewhere in Latvia, they were sung both with ancient texts of local origin and with texts of more recent and often foreign origin. In Zemgale the intermediary layer between the ancient and new melodies is rather wide.

Земгале

Эта область является окраиной бытования рефренных песен. Если в средней части Земгале еще встречаются рефренные песни архаического характера, хотя лишь несколько типов и лишь одного жанра — песни «лиго» —, то в западной Земгале они встречаются все реже. Бурдон в Земгале — весьма редкое явление. Только очень немногие примеры свидетельствуют о том, что этот вид многоголосия в древности не был совершенно чуждым для этой области. Вряд ли когда-нибудь удастся выяснить, какова же в действительности была судьба бурдона в Земгале — здесь почти не осталось живых традиций народной музыки. Материалы свидетельствуют о том, что особенно ярким в Земгале были речитативные песни, такие, которые плотно подстраиваются к речевому потоку. Так же, как и в других местах, этот вид песен звучал здесь, главным образом, на свадьбах. В Земгале записаны также несколько особенно красивых и протяжных пастушьих зовов, каких совсем мало в других областях. Их пели пастухи, перекликаясь между собой. Богат также набор мелодий новейшего происхождения. Их здесь так же, как в остальной Латвии, пели как с текстами латышских дайн, так и с текстами более позднего, зачастую городского, происхождения. В Земгале наблюдается довольно обширный промежуточный слой между древними и новыми видами мелодий.

Spīdolas skolas bērnu folkloras kopa

Zemgale

Bauskas rajons

Folkloras ansamblis «Dreņgeri», vad. Skaidrīte Kuķalka; kopsaimniecība «Bauska»

Vecsaules folkloras ansamblis, vad. Ināra Grēniņa; kopsaimniecība «Vecsaule»

Folkloras ansamblis «Ganiņi», vad. Skaidrīte Kuķalka; Bauskas deviņgadīgā skola

Jelgava

Spīdolas skolas bērnu folkloras kopa, vad. Taida Lange

Jelgavas rajons

Folkloras ansamblis «Novadnieki», vad. Sarmīte un Mārtiņš Vīpuļi; Jelgavas rajona kultūras nams

Līvbērzes folkloras ansamblis «Zemgaļi», vad. Rita Harlinska

«Zemgaļi»

Kurzeme

Šis plašais Rietumlatvijas apgabals ir dziesmām bagāts, un tautas mūzikas aina tā dažādos novados ir visai atšķirīga. Piemēram, Kurzeme krasī sadaļās divās daļās pēc burdon-daudzbalsības izplatības: Kurzemes dienviddaļā ir vesels burdon-daudzbalsības rajons. Materiāli ļauj spriest, ka agrāk burdons Kurzemes dienvidos bija jo plaši izplatīts. Tas šeit iet roku rokā ar šaura skaņu apjoma teicamajām dziesmām, nekad ar refrēndziesmām. Burdondaudzbalsība skanēja kāzās, Bārtā un Nīcā — saistībā ar pavasara ieražām (pavasara gavilēšana —«garais sauciens»), vēl citur — saistībā ar senajām kristību ieražām. Turpretim Kurzemes ziemelū daļā par daudzbalsību, arī burdondaudzbalsību, nekas neliecina. Ziemeļos kāzu teicamās dziesmas bija vienbalsīgas, arī refrēndziesmas, kas šeit bija krietni biežāk sastopamas nekā dienvidos, kaut gan ne tik bieži kā Vidzemē un Augšzemē. Vislielāko blīvumu refrēndziesmas Kurzemē sasniedz ziemēļpiekrastes lībiešu zvejniekciemos. Šeit tās skanēja ievērojamā skaitā gadskārtu ieražu svētkos: svinot Vastslāvi, Lieldienas («putnu modināšana»), Vasaras saulgriežus. Ir zināmas arī šūpļa dziesmas ar refrēnu. Līdzīgu ainu var rekonstruēt arī dažos citos Ziemeļkurzemes apvidos. Teicamajām dziesmām lībiešu ciemos ir it kā spriegāks, tumšāks kolorīts nekā citur Latvijā, tomēr tās pieder pie galvenajiem Kurzemē un Zemgalē zināmajiem šī dziesmu veida tipiem. Kopumā par seno tautas mūziku lībiešu zvejniekciemos var teikt, ka tai piemīt vairākas īpatnības, taču visumā tā labi iekļaujas šeit raksturotās tautas mūzikas kopainā. Virzienā uz dienvidiem refrēndziesmu skaits un žanru daudzveidība arvien sarūk, līdz Kurzemes dienvidrietumu stūri to tikpat kā vairs nav.

Kurzemes tautas mūzikā ir vēl kāds ļoti savdabīgs elements: tādu dziesmu grupa, kuras varētu pieskaitīt pie teicamajām, taču kuras diezgan ievērojami atšķiras no šaurā skaņu apjomā ieturētajām teicamajām dziesmām. Šīs ļoti īpatnējās dziesmas varētu saukt par «reģistru kontrasta dziesmām». Arī reģistru kontrasta dziesmu melodijas un ritmisko plūdumu manāmi ietekmē valodas plūdums, tomēr tās parasti aptver plašāku skaņu apjomu, un šī apjoma ietvaros to melodijas «uzvedas» pavisam citādāk nekā teicamajās dziesmās: ja teicamo dziesmu melodijas jau pirmajās taktīs mēdz aptvert visu vai gandrīz visu dziesmas skaņu apjomu, sasniedzot gan tā augšējo, gan zemāko skaņu un izmantojot arī starp tām esošās skaņas, tad reģistru kontrasta dziesmu pirmajā pusē tiek «apgūta» tikai apjoma augšējā daļa — ap galējo augšējo skaņu, proti, viens reģistrs, melodijas otrajā pusē līdzīgā kārtā tiek apgūta apjoma apakšējā skaņa un «telpa» ap to, t.i., otrs reģistrs, turklāt «telpa» starp šīm galējām skaņām bieži vien vispār paliek neskarta. Raksturīgs piemērs ir plaši pazīstamās rotaļas «Dimdaru damdaru, ozoliņi» melodija. Tā nu iznāk, ka minētajās dziesmās dziedā-

tāji it kā rotaļājas ar dažāda augstuma melodijas daļu jeb reģistru pretstatīšanu. Vienā no šī dziesmu veida tipiem šādu pretstatīmo elementu ir pat vairāk — trīs. Dažkārt šādi pretstatīti tiek arī mazāki elementi nekā melodijas puse. Īpaša reģistru kontrasta dziesmu koncentrācija ir vērojama Dienvidrietumkurzemē. Tur tās dziedāja kāzās un kristībās. Pie šī veida pieder arī laba daļa Nīcas un Bārtas ķekatu dziesmu un Zemgales un Kurzemes budēju dziesmu. Šī veida melodijas paretam parādās arī kopā ar burdonu. Daļa zinātnieku tās uzskata par sevišķi senām.

Kā jau minēts, Kurzemē ir vietas, kur vēl var dzirdēt seno tautas mūziku — līdzās Alsungai un Gudeniekim, Bārtai un

«Rucava»

Nīci jānosauc vēl Rucava ar tās krāšņo dziesmu klāstu. Arī dažviet citur Kurzemē vēl ir jūtama seno avotu čala. Raibs un skaitliski liels ir jaunākās cilmes melodiju klāsts. Kurzemē, tāpat kā Zemgalē, labi redzama mijiedarbība starp senajiem un jaunajiem tautas mūzikas veidiem. Tā izpaužas samērā daudzu tādu melodiju esamībā, kas apvieno gan arhaiskus, gan «modernus» vaibstus.

*Mārtiņš Boiko,
etnomuzikologs*

This vast region in the western part of Latvia is rich in songs. In various areas of Kurzeme folk music is very diverse. For example, according to the distribution of drone singing, Kurzeme can be divided into two distinct parts: in the south of Kurzeme there is an area where drone singing is widespread. Here it is combined with recitatives of narrow range, but never with refrain songs. Drone singing was heard at weddings, but in Bārta and Nīca it was

Эта обширная область западной Латвии богата песнями, и картина национальной музыки в ее разных концах весьма различна. Например, Курземе резко делится на две части по распространению бурдонного многоголосия: в южной части имеется целый район бурдонного многоголосия. По материалам можно судить о том, что раньше на юге Курземе бурдон был особенно распространен. Он здесь идет рука об руку с речитативными песнями

«Kāndla»

associated with spring rites. In other districts it was linked with ancient child naming rites. But in the northern part of Kurzeme there is no evidence of polyphonic singing or drone singing. In the north the wedding recitatives were monophonic. So were the refrain songs that were found here more often than in the south, though not as often as in Vidzeme and Augšzeme. In Kurzeme refrain songs are most widespread in the Liv fishermen villages along the northern coastline. Here they were widely sung during seasonal rites, celebrating the day of *Vastlāvis*, Easter («awakening of birds») and summer solstice. There were also lullabies with a refrain. The tradition was similar also in some other districts of northern Kurzeme. The refrain songs in the Liv villages are of a somewhat darker colouring than elsewhere in Latvia, yet they

узкого звукового объема и никогда — с рефренными песнями. Бурдонное многоголосие звучало на свадьбах, в Барте и Нице — в связи с весенними обрядами (весенне ликование), и в других местах — в связи с древними обрядами крещения. Напротив, в северной части Курземе о многоголосии, и о бурдонном многоголосии, ничто не свидетельствует. На севере свадебные речитативные песни были одноголосыми, также и рефренные песни, которые здесь встречались чаще, чем на юге, хотя не так часто, как в Видземе. Рефренные песни наиболее распространены в Курземе на северном побережье в ливских рыбакских поселках. Здесь они часто звучали в связи с календарными обрядами: на празднике Масленицы, в весенних обрядах («пробуждении птиц»), на летнем празднике «Лиго».

belong to the principal types of this kind of songs known in Kurzeme and Zemgale. In general, the ancient folk music in Liv villages has a few peculiarities, but on the whole they blend well into the folk music described here. Towards the south refrain songs diminish in number and variety and in the farthest corner of southwest Kurzeme they are hardly found at all.

Folk music of Kurzeme has another very peculiar element: there exists a group of songs which could be called recitatives, but they differ from the narrow range recitatives. These could be called songs of contrasting registers. In these very unique songs the flow of melody and rhythm is greatly influenced by the flow of speech, but they comprise a wider scale-range and within this range their melodies «behave» quite differently from those of the recitatives: in the first bars the recitative melodies already comprise all or nearly all the scale-range of the song, reaching its upper and lower tones, also using the in-between tones. In the first half of the songs of contrasting registers only the upper part of the scale is used — around the extreme upper tone (first register); in the second half of the melody the lower sound of the scale and the «space» around it are used in the same way (second register). Besides, the «space» between these extreme tones (registers) often remains unused. The singers of these songs seem to be playing with the contrastion of the melodic parts of various pitches (registers). In one type of these songs there are even three elements to be contrasted. Sometimes not the halves of the melody but smaller elements are contrasted. Melodies like these are found mainly in the southwest of Kurzeme. They were sung at weddings and naming rites. A large part of folk procession songs of Zemgale and Kurzeme belong to this kind. These melodies seldom appear together with the drone. Scholars regard them as very ancient. In some districts of Kurzeme, ancient folk music can still be heard — Alsunga, Gudeneiki, Bārta, Nica, and Rucava with their variety of songs would be mentioned. The melodies of more recent origin are numerous and varied. In Kurzeme, as in Zemgale, the interaction between ancient and new kinds of folk music is strongly felt. It is evident in the existence of melodies that combine both ancient and «modern» features.

Мартиньш Бойко,
этнограф, антрополог

Известны также колыбельные песни с рефреном. Подобную картину можно воссоздать и в некоторых других местах северной Курземе. У речитативных песен в ливских поселках колорит как бы более насыщенный, более темный, чем в остальной Латвии, тем не менее они принадлежат к основным типам песен этого вида в Курземе и Латгале. В общем, о древней народной музыке в ливских рыбакских поселках можно сказать, что она имеет некоторые особенности, но в основном хорошо вписывается в общую картину характерной для этих мест народной музыки. По направлению на юг число и разнообразие жанров рефренных песен все уменьшается, а на юго-западе Курземе их почти нет.

В народной музыке Курземе имеется еще один своеобразный элемент: целая группа песен, которые можно бы причислить к речитативным, но которые значительно отличаются от речитативных песен узкого объема. Эти очень своеобразные песни можно бы назвать «контрастно-регистровыми песнями». На ритм контрастно-регистровых песен также сильно влияет речевой поток, но у этих песен обычно более широкий звуковой объем, и их мелодии в пределах этого объема «ведут» себя совсем иначе, чем в речитативных песнях: если мелодии речитативных песен уже на первых тактах охватывают весь или почти весь звуковой объем, достигая как верхнего, так и нижнего предела, пользуясь также пространством между ними, то в первой половине контрастно-регистровых мелодий «осваивается» только верхняя часть объема — около крайнего верхнего звука, во второй половине мелодии «осваивается» нижняя часть объема. К тому же, пространство между крайними звуками часто вообще не используется. Характерный пример — мелодия широко известной хороводной песни «Dimdaru, damdaru, ozoliņi». В упомянутых песнях исполнители как будто играют с противопоставлением частей мелодии разной высоты. В одном из типов песен такого рода противопоставляемые элементы даже больше — три. Иногда таким способом противопоставляются и меньшие, чем половина мелодии, элементы. Особенно много таких мелодий наблюдается в южной Курземе. Там их пели на свадьбах и крестинах. К этому виду относятся также большая часть колядных песен Ници и Барты и песни ряженых в Земгале и Курземе. Мелодии этого вида изредка появляются также вместе с бурдоном. Часть ученых считает их особенно древними.

Как уже упоминалось, в Курземе есть места, где еще можно услышать старинную народную музыку — наряду с Алсунгой и Гудениеками, Бартой и Ници надо назвать еще Руцаву, с ее прекрасным набором песен. И в некоторых других местах Курземе древние источники еще не иссякли. Пестрым и богатым является набор мелодий новейшего происхождения. В Курземе, так же как в Земгале, хорошо видно взаимодействие между древними и новыми видами народной музыки. Оно проявляется в существовании сравнительно большого числа таких мелодий, которые объединяют в себе и архаические, и более поздние черты.

Мартиньш Бойко, этнографолог

Kurzeme

Kuldīgas rajons

Alsungas etnogrāfiskais ansamblis «Suitu sievas», vad. Ilga Leimane

Etnogrāfiskā kopa «Gudenieku suiti», vad. Lidija Jansone

Liepāja

Folkloras kopa «Spulģis», vad. Līva Ozoliņa; Liepājas lietišķas mākslas vidusskola

Liepājas rajons

Bārtas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Zigurds Rukuts

Grobiņas folkloras kopa «Ālande», vad. Iveta Ozola

Nicas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Reinholds Jansons

Otaņķu etnogrāfiskais ansamblis, vad. Zenta Bērtiņa

Rucavas etnogrāfiskais ansamblis, vad. Staņislava Skudiķe

Saldus rajons

Folkloras kopa «Ninīve», vad. Ausma Meiere un Arnis Lauriņš; agrofirma «Jaunais komunārs»

Talsu rajons

Talsu sadzīves pakalpojumu kombinātā folkloras kopa, vad. Zigrīda Brāle

Folkloras kopa «Kūri», vad. Valda Bērziņa; Talsu tautas nams

Tukuma rajons

Engures folkloras ansamblis «Mākars», vad. Zinta Zviedre

Ventspils

Folkloras kopa «Laipa», vad. Ligita Vajuka

Ventspils rajons

Lībiešu folkloras kopa «Kāndla», vad. Austra Čepelevska; kopsaimniecība «Ventava» un SCO

Folkloras kopa «Ventiņi», vad. Ināra Salava; 8. ceļu būves pārvalde

